

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КРУГЛЫЙ СТОЛ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛАТИН-
СКОЙ АМЕРИКИ

Мервин Дж. Бейн¹
Mervyn J. Bain

**Британские экономисты, меркантилизм
и международная торговля
(XVII – XVIII вв.)**

**British Economists, Mercantilism and Inter-
national Trade (XVII – XVIII Centuries)**

Аннотация: Промышленная революция конца XVIII – XIX вв. не только трансформировала ряд европейских и североамериканских стран из преимущественно сельских и сельскохозяйственных в городские и индустриальные, но и часто рассматривается как инкубатор роста Великобритании и превращения ее в великую торговую нацию. Однако в этой статье доказывается, что источники британской власти и богатства возникли гораздо раньше, чем началась Промышленная революция, и были подкреплены принципами меркантилистской практики. Меркантилизм, часто и тесно увязываемый с работой Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», не только обеспечил основу для обогащения

¹ **Мервин Дж. Бейн** – доктор исторических наук, профессор департамента политики и международных отношений Университета Абердина (Великобритания), глава Школы социальных наук. **Mervyn J. Bain** – M.A, MPhil and PhD, University of Glasgow. Professor in the Department of Politics and International Relations at the University of Aberdeen (United Kingdom) and Head of School of Social Science. <mailto:mervyn.bain@abdn.ac.uk>

Великобритании, но и глубоко изменил основы колониального правления, что привело к ослаблению испанского могущества и созданию нового порядка, который господствовал в большей части мира в течение нескольких столетий. В дополнение к этому, богатство европейских держав из их колоний стало создаваться за счет торговли, а не приобретения драгоценных металлов, в особенности золота и серебра, как это было ранее. Кроме того, меркантилизм также повлиял на внутренний политический дискурс между вигами и тори в Великобритании в XVIII в. В основе меркантилизма лежало стремление к самодостаточности если не в пределах метрополии, то уж точно в пределах империи, созданной метрополией. Более того, влияние меркантилизма было еще больше, поскольку оно глубоко затронуло не только североамериканское (негативные аспекты меркантилистской практики стали ключевыми для развития Американской революции), но и британское общество. В дополнение к этому, меркантилизм вызвал рост позорной работоторговли на берегах Атлантики с центром в Лондоне. Таким образом, наследие меркантилизма было широкомасштабным и оказывало в течение длительного периода времени значительное воздействие на Великобританию, британские колонии, а также глобальную торговлю и государственное управление в целом.

Ключевые слова: Великобритания, Испанская Америка, меркантилизм, самодостаточность, колониальная торговля, рабство.

Abstract: The Industrial Revolution of the late eighteenth and nineteenth century not only moved a number of European and North American countries from being largely rural and agricultural societies to urban and industrialized ones, but it is often perceived as being the incubator of Great Britain's status as a great commercial nation. However, this article will argue that the source of British power and wealth began much earlier than the onset of the Industrial Revolution and was underpinned by the principles of mercantilist practice. Mercantilism, often closely associated with Adam Smith's *An Inquiry into the Nature and Course of the Wealth of Nations*, would not just provide the basis of Britain's wealth, but it would also profoundly alter the basis of colonial rule resulting in both Spanish power waning and also the way in which large parts of the world would be governed for a number of centuries. In addition to this, subsequently European powers' wealth from their colonies was created by trade rather than the acquisition of precious metals, particularly gold and silver, as had been the case previously. Furthermore, mercantilism

would also influence the internal political discourse between Whigs and Tories in eighteenth century Great Britain. At mercantilism's core was the desire for self-sufficiency if not within the metropole then certainly within the metropole's empire. Moreover, the impact of mercantilism was still greater as it profoundly affected not just North American society (the restive aspects of mercantilist practice were key for the advent of the American Revolution) but also British society. Furthermore, it also shamefully caused an upsurge in the Atlantic slave trade with London at its center. In sum, the legacy of mercantilism was extensive, and would endure for an extended period of time for Britain, British colonies and global trade and governance in general.

Keywords: Britain, Spanish America, mercantilism, self-sufficiency, colonial trade, slavery

The Industrial Revolution of the late eighteenth and nineteenth century not only moved a number of European and North American countries from being largely rural and agricultural societies to urban and industrialized ones, but it is often perceived as being the incubator of Great Britain's status as a great commercial nation. However, as Alzada Comstock has argued, the source of Britain's wealth started prior to the onset of the Industrial Revolution and was centered on its colonial empire and trade that was underpinned by the principles of mercantilist practice.²

Mercantilism, often closely associated with Adam Smith's *An Inquiry into the Nature and Course of the Wealth of Nations*, would not just provide the basis of Britain's wealth, but it would also impact both the ways in which European powers governed their colonies and also the internal political discourse between Whigs and Tories in eighteenth century Great Britain. Moreover, mercantilism created a commercial revolution with subsequently European powers' wealth from their colonies being created by trade rather than the acquisition of precious metals, particularly gold and silver, as had been the case previously. Mercantilism would become so ubiquitous that it became a "new intellectual orthodoxy" with Gordon S. Wood stating that the world was dominated by "mercantilist powers."³ Additionally, both Spain's demise as a colonial power has been partly explained by Madrid's failure to engage with mercantilism,⁴ and also Cornel Zwierlein has written, "British

² Comstock, 1950. P.135.

³ Pincus, 2012. P. 12.

⁴ Comstock, 1950. P.135.

mercantilist thought and practice developed within the context of its trading expansion during the seventeenth and eighteenth centuries, and it was probably here where the modern notion of ‘security’ first assumed a more or less global context.”⁵

Conversely to this, Susan Dwyer Amussen has written, ...the only way to gain wealth was to seize a larger slice of the pie. Colonies were thus an essential part of economic strategy. Competition –both in Europe and the American colonies – was now as much about the products of the land as the possession of land itself.⁶

At the heart of mercantilism was the state controlling international and domestic trade and international commercial transport. Although this was the case, Curtis Nettels has stated, “Despite its emphasis on government action, mercantilism was not socialism.”⁷ Instead mercantilism was based on the principle of trying to make counties’ self-sufficient and when this was not possible, states endeavored to control trade as much as possible, i.e. to only trade with their colonies. In sum, nationalism was central to the ideas of mercantilism.

However, it was not just the desire for self-sufficiency and nationalism that were fundamental to mercantilism, but also the belief that the world had a finite level of economic resources and therefore countries’ status, and economic prosperity, was dependent on access to these resources. In short, trade was a zero-sum game because as one country’s wealth increased it had to be at the expense of another country due to the finite level of global economic resources, or as Charles M. Andrews has stated, “The world’s store of wealth was thought to be finite, hence as expansion of one nation’s resources could only take place at the expense of other powers.” This belief extended to Europe’s colonies as the metropolises saw the wealth of their colonies as belonging exclusively to the colonial power. This aligns with Dwyer Amussen’s quote above because the result of this economic competitiveness was “endless commercial wars.”⁸

As previously noted, precious metals had traditionally been the source of metropolises’ wealth, but the advent of mercantilism altered the wealth making process of colonial powers, but particularly Great Britain. Concerning this Nula Zahedieh has written,

By 1660 English people had settled permanent plantations on the

⁵ Zwierlein, 2018. P. 16.

⁶ Pincus, 2012. P. 14.

⁷ Nettels, 1952. P. 106.

⁸ Pincus, 2012. P.12-13.

American mainland in New England and the Chesapeake and in the Caribbean islands of St Christopher, Barbados, Nevis, Antigua, Montserrat, and Jamaica. A three-way pattern of exchange had been established. The southern plantations and the islands produced valuable cash crops for export including tobacco, sugar, indigo, ginger, cotton, and dyewoods. New Englanders provided fish, timber, ships, and shipping services to the southerners. Old England provided all colonies with manufactured goods, food, labour...and commercial services.”⁹

In the seventeenth century this situation resulted in the Caribbean islands being of more commercial importance to London than its North American colonies. This situation would change over time. Additionally, the “three-way pattern of exchange” detailed above transformed: 1) the wealth making process, 2) Great Britain’s affluence and 3) the way in which colonial powers governed their empires. London took a much more noninterventionist approach to rule than Madrid had when it had first colonized parts of Latin America (also significantly Spanish Latin America had been more heavily populated than the parts of the New World which London governed).¹⁰

However, the mercantilist approach was even more nuanced because London wanted to try and be self-sufficient not just in terms of trade, but also with regards the transportation of goods (this had the same ideological foundations as the English Corn Laws of the fifteenth century which had attempted to make England self-sufficient in food by restricting the export and import of wheat). The result was the Navigation Act of 1651, which endeavored to create a British monopoly on the transportation of goods from the American colonies, Asia and Africa to Great Britain and Ireland. More specifically it was an attempt to curb the use of Dutch ships (Holland was perceived as Britain’s main competitor with regards the shipment of goods) and it stated that goods had to be transported in ships which “...belong only to the people of this commonwealth or the plantations...and whereof the master and mariners are also for the most part of them of the people of this commonwealth.”¹¹

Although this was the case, the 1651 act lacked precision in its use of language creating many opportunities for it to be circumvented. Consequently, a Navigation Act of 1660 was passed into law which was more stringent in its terms than its predecessor and stated that the master of the ship

⁹ Zahedieh, 1999. P. 144.

¹⁰ Pincus, 2012. P.29 –30.

¹¹ Comstock, 1950. P.136.

and 75% of the crew must be British (this included sailors from Ireland and the colonies) and that the ships must be British owned. Furthermore, “enumerated’ commodities – sugar, tobacco, cotton, wool, indigo, ginger, fustic, or other dyewoods of the plantations – could be exported only to England and English colonies.”¹² Subsequently, this act was also amended so that the ships had to be constructed in British territory and that goods from Europe had to be transported via Britain in British built ships manned with British crews. The result was not only that Britain “became the Carriers of the World,”¹³ but also that London benefitted from both the monetary exchanges which bought and sold these products, and also from the cost of the transportation of these goods. Moreover, it also changed the significance of the North American colonies for Britain as they became important centers for shipbuilding.

The Staple Act of 1663 further increased this direction of travel as shamefully it detailed that slaves must be bought from English slave traders and that in the colonies must be dependent upon British sources of capital and credit. Geography also benefitted London’s endeavors to enforce these acts as the geographic location of the Chesapeake country in North America made the concealment of goods on ships extremely difficult.¹⁴

As noted, the impact of mercantilism and the Navigation Acts had been to change the importance, and nature of industry, in North America, but they also had other consequences. One was to restrict the emigration of skilled labor and textile machinery from Britain as these were mechanisms that provided Britain with industrial advantages over the New World.¹⁵ This was something that London was unwilling to share. Moreover, initially the implementation of the Navigation Acts reduced the profits of tobacco planters who consequently reduced their production of costs. Their solution was slavery, which as detailed above, Britain, much to its shame, turned to its advantage by the terms which London placed on this odious practice. Consequently, Nettels has written, “American slavery was thus one of the outstanding legacies of English mercantilism.”¹⁶ Moreover, over time a number of people, but particularly in North America, would become disillusioned with what they perceived as the restrictive nature of British mercantilism as it limited the growth of colonial economies to the advantage of Britain’s.

¹² Comstock, 1950. P.137.

¹³ Pincus, 2012. P.28.

¹⁴ Nettels, 1952. P.109.

¹⁵ Comstock, 1950. P.136.

¹⁶ Nettels, 1952. P.110.

Mercantilism also affected British society in a number of different ways. Zahedieh has examined the individuals who were directly involved in the different forms of trade outlined above that originated with the Navigation Acts. Zahedieh has detailed that the London port books of 1686 detailed that some 1,800 persons were involved with colonial trade, but on closer inspection colonial trade was dominated by a much smaller number of “new men” as the Navigation Act had provided the opportunity for these traders to create their own wealth and they were not involved in established family businesses.¹⁷ Moreover, mercantilism not only impacted British society by creating opportunities for new wealth, disparate from the established landed gentry, but it also resulted in what James Bunn has called “The Aesthetics of British Mercantilism.” In short, a huge variety of “exotica” from different parts of the world began to be imported to Britain, much of which would populate British museums for the following centuries.¹⁸ As noted previously, mercantilism would impact British politics with in the eighteenth century the Tories desiring an ever expanding empire to help fund various wars in Europe, whereas the Whigs desired an economy much more based on trade and commerce rather than the accumulation of territories.¹⁹

Mercantilism, and its desire for self-sufficiency, not only fundamentally changed Britain’s wealth and place in the world, but it also profoundly altered the basis of colonial rule resulting in both Spanish power waning and also the way in which large parts of the world would be governed for a number of centuries. Additionally, Nettels has argued that mercantilism also resulted in the American Revolution due to a growing American dislike of the restrictive nature of mercantilism.²⁰ In addition to this, mercantilism profoundly affected British society, but also shamefully caused an upsurge in the Atlantic slave trade with London at its center. In sum, the legacy of mercantilism was extensive, and would endure for an extended period of time for Britain, British colonies and global trade and governance in general.

Библиография/ References

- Bunn J.H.* The Aesthetics of British Mercantilism // *New Literary History*, Vol. 11, N 2, Literature/History/Social Action (Winter, 1980).
Comstock A. British Economic Policy // *Current History*, 1950.

¹⁷ Zahedieh, 1999. P. 143 – 148.

¹⁸ Bunn, 1980. P.303-321.

¹⁹ Pincus, 2012. P.25-26.

²⁰ Nettels, 1952. P.113.

Nettels C.P. British Mercantilism and the Economic Development of the Thirteen Colonies // The Journal of Economic Policy, Vol. 12, N 2, (Spring 1952).

Pincus S. Rethinking Mercantilism: Political Economy, the British Empire, and the Atlantic World in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The William and Mary Quarterly, Vol. 69, Number 1 (January 2012).

Zahedieh N. Making Mercantilism Work: London Merchants and Atlantic Trade in the Seventeenth Century // Transactions of the Royal Historical Society, Vol. 9 (1999), p.144.

Zwierlein C. Security, Nature and Mercantilism in the Early British Empire // European Journal for Security Research, 2018, N 3.

В.П. Казаков¹
V.P. Kazakov

Английское вторжение на Рио-де-Ла-Плате 1806–1807 гг.

The British Invasion 1806–1807 in the Rio-de-La Plata

Аннотация. В статье рассматривается английская интервенция на Рио-де-Ла-Плате, ее причины и последствия. Особое внимание уделяется международному положению во время английского вторжения, внешней политики Уильяма Питта, Генри Аддингтона, лорда Гренвиля, планам захвата Буэнос-Айреса, в особенности инициативе коммодора сэра Хоума Пофама, его политике завоевания вице-королевства Рио-де-ла-Платы, несанкционированному нападению на Буэнос-Айрес. В этом вооруженном конфликте была подорвана не только власть и авторитет испанской короны, но и началось рождение Аргентинской республики. Неудача английского вторжения на Рио-де-ла-Плате заставила британское правительство изменить политику в отношении Испанской Америки. Лондон стал рассматривать Южную Америку как сферу прежде всего экономических, а не политических интересов.

Ключевые слова: английское вторжение. Рио-де-Ла Плата, Буэнос-Айрес, У. Питт, Г. Аддингтон, Гренвиль, Попем.

Abstract: The article analyses the British Invasion 1806–1807 in the Rio-de-La-Plata, its premises and consequences. Special attention is paid to the international context at the time of the English invasion, the interna-

¹ **Владимир Петрович Казаков** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: nick3334@yandex.ru. **Kazakov Vladimir Petrovich** – doctor of History, leading researcher Institute of World History of RAS. E-mail: nick3334@yandex.ru

tional policy of William Pitt, Henry Addington, Lord Grenville, their plans to conquer Buenos Aires especially the initiative of Commodore sir Home Popham, his policy of conquering the Viceroyalty of Rio de La Plata, the unauthorized attack on Buenos Aires. In this armed conflict, not only was the power and authority of the Spanish crown undermined, but the birth of the Argentine Republic began. The failure of the English invasion of Rio de La Plata forced the British government to change its policy towards Spanish America. London began to consider South America as a sphere of primarily economic rather than political interests.

Keywords: British invasion, Rio-de-la-Plata, Buenos Aires, W. Pitt, H. Addington, Lord Grenville, Popham

Впервые на правительственном уровне Великобритании обратила внимание на Рио-де-Ла-Плату в период премьерства Уильяма Питта-младшего, и вызвано это было Французской революцией и наполеоновскими войнами.

После того, как в 1796 г. Испания стала союзницей Франции, военный министр в кабинете Питта Генри Дандас представил секретный меморандум с планом экспедиции в Буэнос-Айрес. В нем он излагал, не только свою точку зрения, но и мнение своеобразного "южноамериканского лобби" лидером которого он был и куда входил губернатор острова Святой Елены Брук и адвокат, член парламента от консервативной партии Николас Ванситар. Свою роль сыграл и Ф. Миранда, который еще до отъезда во Францию, призывал Англию помочь освободить Испанскую Америку.

Однако в меморандуме ничего не говорилось об освобождении испанских колоний. Напротив, в нем предлагался план завоевания Англией этой части Испанской Америки.

Дандас не сомневался в успехе. Он считал, что экспедиция не встретит серьезного сопротивления. "Чем быстрее отправятся войска, тем больше вероятность, что их путешествие будет успешным, и они появятся в Буэнос-Айресе, который окажет слабое или вовсе никакого сопротивления". Помимо

этого, по его мнению, англичане будут действовать в условиях здорового климата, изобилия продуктов питания, особенно мясных. Непосредственная цель экспедиции – "открытие торговли", а конечная – превращение Ла-Платы в английскую колонию. "Вполне вероятно, что все население этой обширной страны может быть побуждено про-

ситель защиты британского правительства, и она образует одну из наиболее доходных, прибыльных колоний мира"².

В самом британском правительстве шли дебаты о выработке наиболее оптимального направления внешней политики. Обсуждались два варианта: сосредоточить все усилия на Европе или предпочесть этому активную колониальную политику. Дандас выступал за последнее, в то время как министр иностранных дел лорд Гренвиль склонялся к первому.

В конце 1796 г. приоритет в английской политике был отдан Средиземноморью, где развертывалась борьба второй коалиции с армией Наполеона. Но сама идея военной экспедиции на Ла-Плату не умерла. Заместитель Дандаса в военном министерстве Уильям Хаскисон предложил своему шефу выступить с компромиссным вариантом. "План нападения на Буэнос-Айрес должен быть осуществлен и будет осуществлен, как только это позволит интерес, проявленный к Средиземноморью"³.

Несмотря на то, что этот план был отвергнут не все члены кабинета были с этим согласны. Глава адмиралтейства лорд Спенсер, получив приказ о свертывании экспедиции на Ла-Плату, в письме Дандасу выразил свое истинное мнение по этому поводу: "[...] Не стоит говорить Вашему превосходительству, который прекрасно знает мои чувства по этому поводу, что никогда в своей жизни я не ставил свою подпись с большей неохотой, чем в случае отмены плана операций, который сулил нашей стране такие славные и выгодные перспективы"⁴.

В 1797 г. сэр Ральф Аберкромби представил правительству меморандум, в котором наряду с планом английского вторжения в Египет, после его захвата Наполеоном, полагал, что "[...]из всех целей, которые должны привлечь наше внимание, освобождение Испанской Америки от господства Испании находится на первом плане. Оно может быть осуществлено, пока мы находимся в состоянии войны с Испанией. И если он будет успешно осуществлен, он переживет мирные переговоры. Он должен быть осуществлен без всякого намерения завоевания, исключительной торговли или грабежа. Все порты Южной Америки и вся торговля этого протяженного континента должны быть

² Gallo, 1999. P. 28.

³ Ibid., P. 29.

⁴ Ibidem.

объявлены свободными и открытыми для всех наций мира. Все страны заинтересованы в этом, за исключением Испании и Португалии. И Великобритания из-за того, что она начнет первой и в силу своего капитала и промышленности будет в действительности хозяином 9/10 этой торговли. Кроме того, откроется рынок для изделий, произведенных в Англии и Индии"⁵.

При этом Буэнос-Айрес и Монтевидео, в силу своей стратегической значимости должны рассматриваться как главные цели в этом проекте. Таким образом, по мнению Аберкромби, не завоевание Англией этого региона, а его независимость принесет наибольшие выгоды в силу экономического и торгового преобладания Великобритании в мире.

Все эти проекты вместе с продолжавшимся давлением вернувшегося в Англию Миранды и слухами о возможном вмешательстве США в освобождение Южной Америки, заставляли правительство Питта прийти к какому-то определенному решению. Дандас продолжал настаивать на посылке военной экспедиции. Этому противился лорд Гренвиль: "Я твердо придерживаюсь того мнения, что мы ни в ни ком случае не должны впутываться ни в планы Миранды, ни США в этом вопросе. Нужна ясная и твердая перспектива той пользы, которые произведут эти действия, чтобы толкнуть нас к распространению духа революции и втянуть в это весь южноамериканский континент"⁶.

Взгляды лорда Гренвиля по этому вопросу разделял Уильям Виндран, впоследствии военный министр, который сыграл важную роль в разработке английских планов в отношении Южной Америки. "Я полагаю, что все испытывают огромное недоверие к планам генерала Миранды и не больше доверия к планам США. В действительности, по правде говоря, это происходит из-за ужаса от идеи революции под руководством того или других из опасения, что эта попытка будет осуществлена, что может лишь объединить меня с Дандасом в том, что нужно очень серьезно изучить вопрос, из-за тех возражений, которые будут и которые могут противостоять мерам подобного рода"⁷.

Споры о британской внешней политики привели к конфликту в правительстве между Дандасом и Гренвилем. В конце концов победила точка зрения лорда Гренвиля – в качестве главного направления

⁵ Ibid. P. 31.

⁶ Ibid. P. 32.

⁷ Ibidem.

политики была выбрана Европа.

Но это не обескуражило военного министра. В апреле 1800 г. Дандас подготовил меморандум, где утверждал, что правительство должно отказаться от своих планов вторжения во Францию в союзе с Австрией и перенести военные действия в Средиземноморье и Южную Америку. Он писал Питту: "Если не являются ошибочными идеи, которые я сформулировал в отношении важности южноамериканского рынка для интересов нашей страны, несомненно еще более важным является то, чтобы не была потеряна нынешняя возможность, поскольку мы не можем думать, что Испания в ее нынешнем состоянии истощения была бы в состоянии удержать эффективный суверенитет над этой территорией, также как мы не можем полагать, что Франция перестанет извлекать выгоду из тех преимуществ, которые с очевидностью вытекают из торговли с Южной Америкой. В действительности не является невероятным, что если мы упустим эту возможность, это приведет к утверждению и расширению революционной системы в этой огромной империи". А дальше он пояснял: "В соответствии со своими взглядами, я отвергаю всякие планы завоевания или колонизации, но я предлагаю утвердить нашу страну на торговой шкале, на позиции, которая нам откроет и обеспечит на постоянной основе торговый обмен с жителями богатых провинций южноамериканского континента"⁸.

Тем не менее лорд Гренвиль энергично возражал против южноамериканских планов Дандаса. "Какое возможное оправдание мы можем найти, чтобы ввязаться во все те ужасы беспорядков, анархии и гражданской войны на большей части планеты, вмещающей миллионы людей, которые не сделали нам ничего плохого и ни в коей мере не способствовали продолжению и поддержке войны"⁹.

Этот спор длился недолго. В марте 1801 г. правительство Питта ушло в отставку. Южноамериканский вопрос не был решен, но от него не отказались. Он был лишь отложен.

На смену правительству Питта пришел кабинет Аддингтона, который заключил с Наполеоном Амьенский мир. В течение трех лет пребывания у власти администрация Аддингтона не проявляла большого интереса к Испанской Америке. Одной из целей его политики было избежать окончательного разрыва с Испанией и тем самым отдать ее

⁸ Ibid. P. 34.

⁹ Ibidem.

окончательно в руки Наполеона.

Но в самом правительстве были люди, продолжавшие проявлять интерес к Испанской Америке. Прежде всего это касалось уже упоминавшегося Ванситара, занявшего пост министра финансов. Он был другом Миранды и познакомил его с адмиралом Х. Попемом, связанного с Дандасом и Хаскисоном. Именно адмирал убеждал их не оставлять планов экспедиции в Буэнос-Айрес, Главной проблемой, препятствовавшей их осуществлению, как уже говорилось выше, было опасение английского правительства окончательно оттолкнуть Испанию.

На это обращал внимание своих коллег министр внутренних дел лорд Пелэм. "Идея освободить Южную Америку, конечно, не является для меня новой. Но я ее рассматриваю как одно из великих дел, чьи последствия окажут столь широкое влияние, что я не могу осмелиться дать свое согласие на эту попытку без большой дискуссии и без того, чтобы знать принципы и мнения тех, с кем я вынужден буду ввязаться в это предприятие. Это может стать средством нашего полного удаления из Европы, чрезвычайным последствием, к которому мы можем быть втянуты и которое, следовательно, необходимо иметь в виду. Но я не готов сказать, что мы должны впутаться в предприятие, которое может ускорить это удаление, отдав Испанию еще больше в руки Франции. Невозможно поддерживать независимость старой Испании и быть допущенным к участию в торговле с Новой Испанией"¹⁰.

Бездействие правительства не помешало тому, что Миранда и Попем подготовили план экспедиции. С возобновлением в 1803 г. войны с Францией адмирал представил секретный меморандум военному министру Чарльзу Йорку, в котором предложил экспедицию в Южную Америку, главной целью которой был захват Венесуэлы и Буэнос-Айреса. В нем он изложил свое представление о судьбе колоний после их освобождения от Испании. "Для каждого, кто имеет представление о географическом положении этого огромного континента, его населении и ресурсах, должно быть ясным, что постоянное влияние Великобритании, будь оно достигнуто путем полного завоевания или завоевания в первую очередь в результате успешной политической интриги, (которая, я утверждаю, одобрена всеми военными нормами), должно предложить наибольшие торговые выгоды не только нашей стране, но также нашим владениям в Индии, открыв прямое

¹⁰ Ibid., P. 36.

сообщение с каждой стороны континента и отнять у наших врагов все богатства Испанской Америки, богатства, которые всегда были их главной опорой во всякой войне, которую они вели с Великобританией"¹¹. Таким образом, главной целью планировавшейся экспедиции была торговля с Южной Америкой.

С возвращением Питта во власть в октябре 1804 г. активизировались сторонники интервенции в Испанскую Америку. Этому способствовал окончательный переход Испании на сторону Франции: Испания объявила войну Англии после захвата английскими кораблями испанских судов.

Попем представил новый меморандум, где более ясно изложил цели экспедиции. Он исключал вопрос завоевания Южной Америки, предлагая ограничиться захватом стратегических пунктов на побережье и, опираясь на них, получить торговые преимущества. Предприятие, по его мнению, сулило неисчислимые выгоды. "[...] богатства, которое оно принесет, новые источники, которые откроются для нашей промышленности и судоходства, как из Европы, так и Азии, через Тихий океан также неисчислимы". Кроме того, экспедиция, по мнению Попема, принесет популярность и стабильность тому правительству, которое ее осуществит¹².

Уильям Джекоб – путешественник, а затем депутат парламента от тори, представил еще один план экспедиции. Ее целью были Буэнос-Айрес, Чили и Панама. По его мнению, она сулила большие выгоды как Англии, так и Южной Америке, которая сможет потреблять в неограниченном количестве британские промышленные товары, что вызовет рост торговли и национального благосостояния¹³.

Что касается Буэнос-Айреса, Джекоб указывал на легкость его захвата: "Буэнос-Айрес не укреплен и его многочисленное население питается в основном мясом, которое ежедневно привозится из сельской местности. В результате перерыв в снабжении города на день-два приведет к его сдаче. Немногочисленные войска в Кордове, Корриентесе и Тукумане, даже будучи собранными, никогда не смогут противостоять нашим силам, ни прервать их снабжение"¹⁴.

В то же время Дандас, который стал лордом Мелвиллом, получил письмо от капитана Чарльза Херберта о необходимости организовать

¹¹ Ibid., P. 37.

¹² Ibid., P. 39.

¹³ Ibid., P. 40.

¹⁴ Ibidem.

экспедиции в Южную Америку, прежде чем туда вторгнутся французы. В качестве объекта нападения он называл Буэнос-Айрес, а не Мексику и острова в Карибском море. "[...] Не эти части Америки необходимо атаковать по многим причинам, наименее важной из которых является ужасный для европейцев климат. Армия, которая здесь высадится, падет пораженная чумой раньше, чем сможет предпринять что-либо значительное. Рио-де-Ла Плата является тем местом, где нужно нанести удар испанской власти в Америке"¹⁵.

Этим планам не суждено было осуществиться. Все силы Англии были сосредоточены в Европе, на борьбе с Наполеоном. Поражение войск третьей коалиции при Аустерлице, хотя и смягченное победой при Трафальгаре, нанесло смертельный удар лично Питту. 1 января 1806 г. он умер. Так и остались не определенными направления испаноамериканской политики Англии.

Нет никаких оснований считать Питта сторонником независимости Испанской Америки. Как и многие консерваторы, в частности его министр лорд Гренвиль, он считал, что освобождение испанских колоний несет угрозу революции, а это было для него неприемлемо, учитывая опыт французской революции и недавних событий в Санто-Доминго.

После разгрома франко-испанского флота при Трафальгаре английская эскадра под командованием адмирала Попема захватила Кейптаун и, Попем, с разрешения своего начальника сэра Дэвида Бэрда, решил овладеть Буэнос-Айресом. С какой целью?

Инструкции, полученные Попемом и командующим экспедиционными силами генералом У. Бересфордом были очень неопределенными. "[...] я нахожу как невозможным, так и ненужным, – писал Бэрд, – давать какие-либо определенные инструкции или советы. Ваши действия могут определяться лишь обстоятельствами, и я полностью убежден, что общее благо службы будет руководящим принципом во всех ситуациях"¹⁶.

В свою очередь, Попем писал лорду Каслри: "Я хотел бы отметить [...], что существует перспектива общего освобождения Южной Америки. Рио-де-ла-Плата является одним из предложенных пунктов для атаки". И далее, оправдывая свои действия, заключал: "Если, следовательно, такое предприятие, которое представляет столько выгод для

¹⁵ Ibid., P. 42.

¹⁶ Ibid., P. 48.

королевства, было столько раз обсуждено различными правительствами, у меня есть основания заключить, что никогда не существовало никаких непреодолимых возражений, как в отношении принципов так и их осуществления"¹⁷.

И Попем, убежденный, что его действия будут одобрены в Лондоне, начал действовать. Расчеты адмирала строились на использовании существовавших в колонии противоречий между испанскими властями и креольскими купцами и скотоводами. Попем рассчитывал привлечь последних на свою сторону, объявив свободу торговли. Он также исходил из крайней военной слабости Испании на Ла-Плате. Здесь практически не было испанского флота, а наземные силы были малочисленны. Не дожидаясь официального разрешения правительства, английская эскадра под командованием Попема в середине апреля 1806 г. покинула Южную Африку и 15 июня появилась в водах Рио-де-Ла-Платы. 25 июня генерал Бересфорд во главе 1,6 тыс. солдат высадился в Кильмесе, в окрестностях Буэнос-Айреса и 27 июня овладел городом. Столь быстрая победа англичан объяснялась растерянностью испанских властей. Вице-король Р. Собремонте бросил столицу и бежал в Кордову. Бересфорд назначил себя губернатором и потребовал от испанских чиновников принести присягу на верность королю Георгу III. С целью привлечь население на свою сторону английские власти заявили об уважении католической религии, снижении таможенных пошлин, о свободной торговле для всех дружественных наций.

Между тем в Англии после смерти Питта к власти пришло коалиционное правительство во главе с лордом Гренвилем. Узнав в начале 1806 г. о захвате Буэнос-Айреса, первоначальная реакция кабинета министров и короля Георга III была различной. Правительство полагало, что достигнутый успех несет в себе зло, ущерб для британских интересов, поскольку впутывает страну в дела, которые не могут идти на пользу Великобритании. В свою очередь, король полагал, что экспедиция, которую предприняли без официального разрешения, нельзя не одобрить. Официальный ответ Георга III правительству 14 сентября 1806 г. гласил: "Его Величество, исходя из полученных сообщений, полагает, что приобретение Буэнос-Айреса окажется очень выгодным для страны"¹⁸.

¹⁷ Ibid., P. 49.

¹⁸ Ibid., P. 79.

В предпринимательских кругах с ликованием встретили известие о захвате Буэнос-Айреса. На общем собрании торгового союза с участием ряда министров обсуждались перспективы торговли с Буэнос-Айресом и использования тех выгод, которые давал новый рынок.

В связи с захватом Буэнос-Айреса "Таймс" писала: "Мы получили постоянный рынок для наших товаров, а наши враги навсегда потеряют возможность увеличивать за счет ресурсов этих богатых стран средства, которые должны были причинять нам ущерб"¹⁹.

Однако радость англичан была недолгой. Захват англичанами Буэнос-Айреса дал толчок к пробуждению национального самосознания креолов. Идея изгнания англичан охватила самые широкие слои населения. С первых же дней английского господства креолы начали организовывать сопротивление захватчикам. В сельской местности его возглавил богатый креол Хуан Мартин Пуэйрредон, который за свой счет организовал отряд волонтеров в тысячу человек, в основном конных пастухов – гаучо. К движению присоединились испанские офицеры, в том числе комендант порта Энсенада вблизи Буэнос-Айреса капитан Сантьяго де Линье, по происхождению француз, уже долгое время находившейся на службе у испанского короля. Линье и возглавил вооруженную борьбу. Соединившись с Пуэйрредоном, Линье 11 августа начал военные действия против англичан в Буэнос-Айресе. Отрядам Пуэйрредона и Линье оказали активную помощь горожане, которые с крыш домов открыли огонь по английским войскам. Оказавшись в полном окружении и неся большие потери, англичане 12 августа капитулировали, отдав оружие и знамена.

По получении известий о потере Буэнос-Айреса пред английским правительством встал вопрос, что делать дальше. Еще раньше было принято решение послать подкрепления Попему. Гренвиль, как и раньше, опасался развертывания революционного движения в колониях против Испании. В то же время экономические интересы заставляли правительство признать очевидное: Рио-де-ла Плата была наиболее привлекательна из всех испаноамериканских рынков. Решающую роль играли внешнеполитические соображения. События в Южной Америке нельзя рассматривать в отрыве от событий, происходивших в Европе. Чем хуже шли дела в Европе, тем больший интерес правительство проявляло к Испанской Америке. Буэнос-Айрес рассматривался как козырь в торге с Францией при заключении мира. Гренвиль

¹⁹ Roberts, 1938. P. 183.

в письме английскому представителю в Париже Лодердейлу – в 1806 г. Англия короткое время зондировала возможность заключения мира с Францией – писал: "Я всегда испытывал большую антипатию к тому, чтобы впутываться в южноамериканский проект, потому что знал, что гораздо легче войти в него, чем выйти. Взятие Буэнос-Айреса произвело здесь такое впечатление, что будет значительно трудно покинуть его, за исключением того случая, что при обмене можно будет получить значительно больше того, что можно было вообразить или ожидать получить по условиям договора в Европе"²⁰. И спустя несколько дней тому же адресату: О Буэнос-Айресе я не говорю ничего, за исключением того, что я думаю, что он мог бы облегчить заключение мира или открыть дорогу к нему в таком масштабе, который произвел бы огромное впечатление во Франции. Моим наибольшим желанием является то, чтобы вы использовали его с наибольшей эффективностью для первой из этих целей"²¹.

Поэтому в начале октября 1806 г. было принято решение о посылке в Буэнос-Айрес подкреплений. Известия о потере Буэнос-Айреса не отменило его. Разгром Наполеоном Пруссии и установление континентальной блокады не оставляли Англии выбора. Исчезли всякие надежды на мир с Францией, и резко возросло значение Южной Америки. Господствующие настроения резюмировал один из членов кабинета: "Это есть конец старого света и мы должны смотреть на новый"²².

7 февраля 1807 г. на заседании кабинета решалась судьба экспедиции на Ла-Плату. В ходе обсуждения военный министр Уильям Видэм высказался за посылку новой экспедиции для отвоевания Буэнос-Айреса. Гренвиль также высказался за это, поскольку, как он полагал, контроль над Буэнос-Айресом, пускай временный, будет полезным в ходе мирных переговоров. Ряд членов кабинета высказался за интервенцию с целью содействовать независимости колоний. Но Гренвиль не поддержал освободительные планы. Он по-прежнему считал, что "революция [...] приведет к анархии, бесконечным гражданским войнам [...], что превратит весь южноамериканский континент в арену хаоса и крови"²³. В конце концов решено было послать экспедицию под командованием генерала Уайтлока.

²⁰ Gallo, 1999. P. 86.

²¹ Ibid., P. 86–87.

²² Ibid., P. 90.

²³ Ibid., P. 94.

Несмотря на поражение, англичане не ушли с Рио-де-ла-Платы. Их эскадра продолжала находиться в ее водах. В начале 1807 г. Попом получил значительные подкрепления, и англичане начали второе вторжение. 3 февраля они захватили город и крепость Монтевидео. Затем английские войска Уайтлока направились из Монтевидео к Буэнос-Айресу. 28 июня 12-тысячная армия высадилась в Энсенаде. В последовавшем затем сражении Линье был разбит. Поражение не деморализовало народ, Буэнос-Айрес поднялся на борьбу. Жители вооружались, строили баррикады, рыли траншеи. В город стекались разбитые части Линье, сам он возглавил оборону. Утром 5 июля после отклонения городом предложения о сдаче, англичане начали штурм Буэнос-Айреса. В ходе ожесточенных двухдневных боев английские регулярные войска так и не смогли сломить сопротивление жителей. Потеряв 409 человек убитыми и 1924 пленными, Уайтлок подписал акт о капитуляции английских войск. Последние удалились из Буэнос-Айреса, покинули Монтевидео и Рио-де-ла-Плату, возвратили пленных²⁴. Таким образом и вторая попытка Англии захватить Ла-Плату провалилась.

Тем временем в Англии произошла смена правительства. К власти пришел кабинет тори, в котором министром иностранных дел стал Джордж Каннинг, а военным министром – лорд Каслри. В подготовленном Каслри докладе о Южной Америке отмечалось, что в британской политике в отношении этого региона отсутствовали четкие принципы на которых она должна была строиться. Каслри писал: "Каков бы ни был план освобождения Южной Америки, представляется обязательным, чтобы мы не предстали ни под каким видом как только помощников и защитников"²⁵.

В качестве главной причины неудачи экспедиций указывалось на отсутствие у них освободительной цели: содействовать независимости колоний.

Таким образом, только после поражения английской интервенции, Каннинг и Каслри, которые впоследствии сыграли главную роль в признании независимости новых государств, начали задумываться о поддержке освободительной борьбы Испанской Америки.

Последовавшие вскоре события – вторжение Наполеона в Испанию и начавшаяся национально-освободительная борьба испанского

²⁴ Ferns, 1960. P. 43.

²⁵ Gallo, 1999. P. 97.

народа против французских захватчиков, не могли не изменить позицию Англии, которая стала союзницей Испании, а значит и изменила всю ее южноамериканскую политику.

Библиография / References

Ferns H.S. Britain and Argentina in the nineteenth century. Oxford, 1960.

Gallo K. De la invasión al reconocimiento Gran Bretaña y el Rio de la Plata 1806–1821. Buenos Aires, A–Z editor, 1994.

Roberts C.F. Las invasiones inglesas del Rio de la Plata (1806–1807) y la influencia inglesa en la independencia y organización de las provincias del Rio de la Plata. Buenos Aires, 1938.

Н.С. Иванов¹
N.S Ivanov

**Освободители Латинской Америки и
британское масонство
в конце XVIII – начале XIX вв.²**

**Latin American Liberators and British
Freemasonry at the end of XVIII – begin-
ning of XIX centuries**

Аннотация: Британское масонство, созданное в начале XVIII в., сыграло значительную роль в воспитании и деятельности целой плеяды великих деятелей Войны за освобождение Латинской Америки. Несмотря на «благоразумие» и политическую «умеренность», которые проповедовались в основополагающих документах, масонские организации стали главными центрами распространения революционных взглядов европейского Просвещения. Благодаря своей тайной структуре и разветвленной сети организаций, масонство позволяло быстро возвращать революционные идеи и выдвигать их непосредственно в сферу политики. Принадлежность к «братству» позволила Ф. Миранде, С. Боливару, Х. де Сан-Мартину, Б. О’Хиггинсу и другим патриотам устанавливать полезные контакты в европейских (прежде всего, британских) прави-

¹ Иванов Н.С., старший научный сотрудник ИВИ РАН, кандидат исторических наук, e-mail: nik3334@yandex.ru. Ivanov N.. PhD in Historical sciences, senior researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of sciences, e-mail: nik3334@yandex.ru.

² Данная публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект №18-09-00305 «Великобритания и Латинская Америка (XVI-XXI вв.)».

тельственных кругах, обеспечить финансирование и рекрутирование волонтеров для вооруженной борьбы, поставки вооружений. Многие историки считают, что масонство было одним из главных инструментов тогдашней внешней политики Англии. Хотя более радикальные исследователи считают, что, напротив, политика Англии была следствием решений, принимаемых в масонских ложах. Тайные общества активно использовали Британию для распространения либеральных и революционных взглядов в Испанской Америке и других регионах мира, создали там своеобразную штаб-квартиру революционных групп и движений.

Ключевые слова: Испанская Америка, Ф. Миранда, С. Боливар, Х. де Сан-Мартин, Б. О'Хиггинс, масоны, Великая Ложа Англии, «Лаутаро», «Великое Американское объединение»

Abstract: British Freemasonry, created at the beginning of the XVIII century, played the significant role in the education and activities of the greatest figures of the Spanish American Wars of independence. Despite the «sanity», «prudence» and «political loyalty» stated in the main documents, masonic organizations became the main centers of the popularization of revolutionary views of the European Enlightenment. Thanks to its secret structure and extensive network of lodges, Freemasonry quickly cultivated revolutionary ideas and put them directly into the sphere of politics. Participation in the «brotherhood» allowed F. Miranda, S. Bolivar, H. de San Martin, B. O'Higgins and other patriots to establish useful contacts in European (primarily British) government circles, provide funding and recruiting volunteers for armed struggle, guarantee arms supplies. Many historians believe that Freemasonry was one of the main tools of the British foreign policy. Although more radical researchers consider that, on the contrary, the policy of England was the result of the decisions made in masonic lodges. Secret societies actively used Britain to spread liberal and revolutionary views in Spanish America and other regions of the world, create in London a kind of headquarters for the revolutionary groups and movements.

Key words: Spanish America, F. Miranda, S. Bolivar, J. de San Martin, B. O'Higgins, masons, Grand Lodge of England, «Lautaro», «Gran Reunion Americana»

Практически все великие деятели борьбы за освобождение Испанской Америки от колониального ига состояли в европейских и северо-

американских масонских организациях, подчиненных или связанных с Великой Ложей Англии. Среди них были Франсиско Миранда, Симон Боливар (Венесуэла), Хосе де Сан-Мартин (Аргентина), Бернардо О'Хиггинс (Чили), Хосе де ла Рива Агуэро (Перу), Жозе Бонифасиу (Бразилия), Франсиско де Паула Сантандер (Колумбия) и многие другие³.

История масонства (абстрагируясь от легендарных и мифических предысторий) началась в Британии в 1717 г., когда четыре лондонские ложи, соединившись в «Великую ложу Лондона и Вестминстера», поручили брату Андерсену (священнику шотландской пресвитерианской церкви в Лондоне), составить свод постановлений, заимствовав их из документов цеховых товариществ каменщиков и применив к новым условиям времени. В 1738 г. этот «основной закон» был переведен на европейские языки, и повсеместно в Европе стали возникать масонские ложи. В «Уложениях Андерсона» (или как их еще называют, «Конституции вольных каменщиков»), составленных британским масоном Джеймсом Андерсоном в 1723 году указывалось: «Масон является мирным подданным гражданских властей, где бы он ни жил и ни работал, и никогда не должен участвовать в кознях и заговорах, направленных против мирного развития и благополучия своей страны»⁴. «Конституции» были и остаются до сих пор, по утверждению самих масонов, «основным документом и фундаментом деятельности» этой организации⁵.

Сами масоны утверждали и утверждают до настоящего времени, что «масонство – всего лишь особая моральная система, завуалированная посредством аллегорий и проиллюстрированная через своеобразную символику». Однако лидирующие позиции масонов в революционной борьбе в Европе и Америке свидетельствуют, что их радикализм не был некоей «абберацией», искажением масонской доктрины, а нормой поведения тогдашних «братьев».

Несмотря на «благоразумие» и политическую «умеренность», которые проповедовались в Конституциях Андерсона, масонские организации стали главными центрами распространения революционных взглядов европейского Просвещения. Благодаря своей тайной струк-

³ Vidal, 2007; Carnicelli, 1970; Ferrer Benimeli, 2011.

⁴ Constitutions, 1723. P. 48.

⁵ <http://freemasoninformation.com/masonic-education/books/andersons-constitutions-of-1723/>

туре и разветвленной сети организаций, масонство позволяло быстро возвращать революционные идеи и выдвигать их непосредственно в сферу политики.

Идеалы «свободы, равенства, братства» столкнулись с жесткой цензурой, процессами Инквизиции или даже приводили смельчаков на эшафот, поэтому борьба переместилась на уровень подпольных, тайных обществ⁶.

Для тайной организации, построенной на символике цеховой гильдии строителей, объединенной с мифологическими библейскими образами, была создана строгая иерархия рангов (степеней или «градусов»). Согласно тексту «Конституций» ложи были частные и одна общая (или «Великая»); иерархические масонские степени — «Ученик», «Подмастерье» и «Мастер». Кроме того, было особое звание «Надзирателя». Выборы происходили раз в год, и полномочия давались на один год. Каждый брат должен был принадлежать к какой-нибудь ложе и подчиняться как её особым, так и общим постановлениям. В качестве членов в ложу допускались «добропорядочные, честные люди, свободнорожденные и в зрелом возрасте» (старше 25 лет); женщины не принимались. И для принятия нового «брата» требовалось согласие всех присутствующих при выборе лиц.

Из цеховых регламентов почерпнули идеи строгого послушания наподобие монашеским орденам, требования принесения клятв верности, нарушение которых жестоко каралось, вплоть до смертного приговора.

Идеи масонства быстро перебрали за океан, и с 1730 г. в английских колониях в Северной Америке стали создаваться многочисленные «англо-американские» ложи в дополнение к «континентальным» (европейским). В Северной Америке масонство получило такое широкое распространение, что некоторые исследователи не без основания отмечают, что «США созданы масонами». Б. Франклин, Т. Джефферсон, Дж. Вашингтон и другие «Отцы-Основатели» Соединенных Штатов были «собратями» по ложам. Подобную же роль пропагандистов и революционеров сыграли масоны и в Великой французской революции. Именно из их рядов вышли Робеспьер, Марат, Дантон, Сен-Жюст, Демулен, Сьейес, Кондорсе, Дюмурье, Фуше, Гильотен, Лафайет и многие другие⁷.

⁶ Fay, 1935. P. 144.

⁷ Нис, 1912. С. 8, 9

Если эти революции современникам событий было нетрудно предугадать, то наименее предсказуемой стала Война за независимость Латинской Америки. Отношение испанцев к своим колониальным владениям в Южном полушарии было предельно жестким и деспотичным. Природные ресурсы континента (золото, серебро, сахар, кофе, какао, хлопок, кожи) должны были добываться и отправляться в метрополию для пополнения королевской казны. Любые торговые связи колонистов с другими европейскими странами попросту запрещались. Более того, местная торговля между колониями также могла вестись только через Испанию.

Высшая власть принадлежала вице-королю, которому подчинялись губернаторы провинций, назначаемые королем Испании. Из Мадрида в Америку регулярно отправляли эmissаров, которые авторитарно управляли местными делами и подавляли любую самостоятельность со стороны органов самоуправления. Не допускалось создание местных органов печати и самостоятельной системы образования.

Повсеместно закреплялось и поощрялось всеобщее невежество. Богатые креолы могли лишь отправлять своих детей для обучения в Испании. Но там они сталкивались с откровенным расизмом со стороны местных дворян, которые смотрели свысока на приезжих и считали более низкими по сравнению с «настоящими испанцами».

По-настоящему теплый прием выходцам из Испанской Америки оказывали в Мадриде лишь полуполигальные салоны и тайные масонские организации. И креолы были счастливы вступить в эти общества и почувствовать после обряда инициации свою «избранность» бок о бок с новыми «братьями». Несмотря на жесткое противодействие Инквизиции и мадридского двора, с 1728 г. в Испании появились и стали быстро распространяться масонские ложи, которые организовывались приезжими англичанами и активно включали в свою деятельность местных адептов. Привлекательность масонства состояла в том, что оно пропагандировало идеи Просвещения, укрепляя веру в то, что люди способны улучшить свою собственную судьбу, общественную жизнь, что государства должны управлять странами в интересах общества, а не для личного обогащения, что знания и наука есть благо для человечества, что нравственность восторжествует, а деспотизм и абсолютизм будут низвергнуты.

Благодаря тому, что в ложи входили представители высшего класса, дворяне, военные, чиновники, вновь принятые «американцы» (как их стали называть в ложах) получали прекрасную возможность уста-

новления не только интеллектуальных, но и политических, социальных и деловых контактов как в Испании, так и в других европейских странах.

Принадлежность к «братству» позволила эмиссарам освободительного движения (будущим великим Освободителям установить полезные контакты в европейских правительственных кругах, обеспечить финансирование и рекрутирование волонтеров для вооруженной борьбы. Одним из важных инструментов стали «рекомендательные письма» от руководителей лож, с помощью которых можно было запросто встретиться с видными политиками, придворными – что было бы в обычных обстоятельствах практически невозможно для молодых креолов, приехавших из далекой Испанской Америки. У них появилась возможность быстро найти друзей и единомышленников, установить прочные связи с революционерами в других странах, сразу же выходить на источники финансирования и проводить переговоры с правительственными кругами на самом высоком уровне.

Конечно, революционеры могли полагаться не только на тайные организации в их борьбе. Реальные политические интересы Англии, многовековая борьба против испанской короны диктовали необходимость поддержки борьбы креолов за освобождение как одного из главных методов подрыва власти Мадрида. Правительством Британии разрабатывались различные планы вооруженной экспедиции в Испанскую Америку («план Мейтланда», «план Ванситтарта» и др.), которые увязывались с развертыванием там восстаний местных патриотов⁸. Однако даже при разработке этих планов не обошлось без значительного влияния масонства. И это было связано с именем одного из самых прославленных деятелей освободительного движения **Франсиско де Миранды**, которого по праву считают «Предтечей» Независимости.

Во время своих путешествий Миранда встречался с Дж. Вашингтоном, Лафайетом, Наполеоном, русской императрицей Екатериной II и другими выдающимися политиками и учеными. Служил в армиях разных стран, участвовал в американской и французской революциях, возглавил первую революцию в Венесуэле, которая закончилась поражением и его гибелью в испанских застенках.

Среди биографов Миранды нет сомнений в том, что он был масоном. Некоторые считают, что он вступил в ряды «братьев» в Мадри-

⁸ Harvey, 2002. P. 48–54.

де⁹. Х. Родригес де Алонсо полагает, что Миранду приняли в масонскую ложу в Гибралтаре, в период 1775–1777 гг.¹⁰. К третьей группе относятся те, кто считает временем инициации «Предтечи» период его пребывания в США¹¹. Ряд историков, например, Х. Мансини, М.Б. Перосо, М.Л. Хиральдо и Х. Пачеко Кинтеро вообще считают Миранду организатором масонских лож и даже возводят его в ранг «Великого Магистра», который сформировал и руководил деятельностью ложи «Великий Восток» с многочисленными филиалами в разных странах¹².

Благодаря участию в масонской деятельности, Миранда всегда заранее знал к кому обратиться за помощью как в революционной борьбе, так и в бытовых вопросах (поисках жилья и обустройства). Североамериканские «братья» снабдили Миранду рекомендательными письмами к влиятельным британцам. В одном из них, рассчитанном на вхождение каракасца в ближний круг премьер-министра Великобритании лорда Ф. Норта (1770 – 1782 гг.), Миранду представили как «достоинейшего гражданина мира, который путешествует с целью расширения своих познаний».

В 1797 г. Миранда сам организовал ложу «Великое Американское объединение» (*La Gran Reunion Americana*), которая была известна также под названием «Ложя рациональных рыцарей» (*Logia de los Caballeros Racionales*). В нее вошли такие выдающиеся деятели, как Симон Боливар, Бернардо О'Хиггинс, Хосе де Сан-Мартин, Карлос Мария Альвеар (ставший впоследствии в 1815 г. Верховным правителем Объединенных провинций Ла-Платы), Томас Гвидо (аргентинский политик и дипломат).

В 1807 г. Предтеча организовал в Кадисе и Мадриде филиалы «Великого объединения», которые получили название «Ложы Лаутаро» (в честь вождя племени мапуче, боровшего против испанцев в XVI в.). В 1810 г. ложу возглавил Хосе де Гурручага, и в нее вошли К.М. Альвеар, Б. О'Хиггинс, Х. де Сан-Мартин, Т. Гвидо, Х.К. де Мадарьяга, Х. Альварес, Б. Монтеагудо, Х.А. Альварес Кондарко, Х.Э. Росалес¹³.

⁹ Aparicio y Suárez, 1950; Carvajal Muñoz, 2006. P. 396-404; Pacheco Quintero, 1943.

¹⁰ Rodríguez de Alonso, 1978. P. 27.

¹¹ Oviedo Martínez, 1910. P. 5.; Szigethy, 1944. P. 48 – 62.

¹² Mancini, 1914. P. 75–76; Briceño, 1950. P. 31; Giraldo, 1988. P. 88.

¹³ Ferrer Benimeli, 2015. P. 182–191.

«Братьев» объединяло общее стремление к освобождению Южной Америки от испанского ига, идеи ниспровержения абсолютизма, установления либерального республиканского строя, создания великой латиноамериканской республики («Великой Колумбии», как назвал ее Миранда).

Во время своих путешествий Предтеча неоднократно встречался с такими известными «собратями» как Дж. Вашингтон, Т. Пейн, Лафайет. С их помощью и поддержкой английского правительства он смог организовать военные экспедиции в Венесуэлу в 1806 г., однако они потерпели неудачу. После поражения военных экспедиций он некоторое время оставался гостем губернатора о. Тринидад Хислопа, а затем вернулся в Лондон, чтобы вновь вести переговоры об экспедиции в Испанскую Америку. Годом позже он получил тайную поддержку от американских братьев Т. Джефферсона и Дж. Мэдисона, хотя они официально оставались приверженцами политики нейтралитета. В 1808 г. военную экспедицию должен был возглавить один из известных британских масонов, А. Уэлсли (будущий герцог Веллингтон), однако все карты спутал Наполеон, который вторгся в Испанию. Английские войска были отправлены вместо Америки на Пиренейский полуостров.

В Венесуэле тем временем в апреле 1810 г. к власти пришла Патриотическая хунта, и один из ее лидеров Симон Боливар, во время визита в Лондон, пригласил Предтечу возглавить войска хунты. Однако это решение оказалось фатальным. Миранда в качестве генералиссимуса возглавил борьбу против испанцев, однако в 1812 г. потерпел поражение. Предтеча, посчитав ситуацию безнадежной, собирался скрыться на борту британского корабля. Однако его захватили офицеры революционной армии (включая Боливар) и передали в руки испанцев. Миранду отправили в Испанию, где он скончался в кадисской тюрьме в 1816 г.

Хотя фундамент для победы революции в Южной Америке был заложен еще в конце XVIII – начале XIX вв., движение нуждалось в выдающемся лидере. Человеке с решительным характером, настойчивостью и верой в свое божественное предназначение, которое обязательно приведет к победе. Именно такой лидер родился в Каракасе 24 июля 1783 г. В 1799 году родители **Симона Боливар** решили отправить его в Испанию, где он изучал право. Боливар, возможно, не вошел бы в ряды революционеров, если бы не личная трагедия – смерть от желтой лихорадки любимой жены Марии Терезы дель Оро в

1803 г., которая потрясла его и привела к радикальным переменам в характере, сыгравшим немалую роль в развитии его взглядов¹⁴.

Отчаяние Боливара заставило его близких опасаться за жизнь молодого человека, поэтому Симона уговорили совершить вторую поездку в Европу, где он погрузился с головой в европейскую философскую и политическую жизнь и твердо решил посвятить все свои силы борьбе за независимость Южной Америки от Испанской империи. Венесуэлец вступил в масонскую ложу шотландского ритуала в Кадисе в 1805 г. Путешествуя по Европе, он был инициирован в 1807 г. в одной из масонских лож Парижа, а затем присоединился к «Ложе рациональных рыцарей» и «Лаутаро».

Находясь в Европе, Боливар посетил Италию, Швейцарию, Германию, Англию и Францию. Находясь в Париже, он некоторое время учился там в Политехнической школе. В 1805 году Боливар совершил поездку в США и там продумал свой план освобождения Южной Америки от испанского владычества.

Симон Боливар стал одним из главных героев – Освободителей Латинской Америки, под руководством которого войска патриотов разгромили вооруженные силы испанцев на большей части континента. Его судьба, как и многих других выдающихся латиноамериканских деятелей той эпохи, была тесно связана с Великобританией, с планами поддержки правящими кругами этой страны освободительного движения.

После оккупации Наполеоном Испании, в 1810 г. в венесуэльской столице была создана Патриотическая хунта, и Боливар возглавил дипломатическую миссию в Лондон, стремясь получить поддержку и официальное признание нового органа власти. Он прибыл туда на борту английского военного корабля «Веллингтон», причалившего в лондонской гавани 10 июля, и отплыл оттуда на родину 22 сентября также на военном судне «Сапфир». В составе делегации был его учитель и друг Андрес Бельо и Луис Лопес Мендес, который стал главным сотрудником Боливара в Лондоне по сбору средств, покупке оружия и набору патриотов для борьбы в испанских колониях. Делегацию встретил в Лондоне Франсиско де Миранда, который к тому времени наладил прочные контакты с британскими правящими кругами.

¹⁴ Silva Luongo, 2003.

Вернувшись в Каракас, Боливар и его соратники добились объявления независимости Венесуэлы, а Миранду назначили верховным главнокомандующим вооруженными силами республики. Однако впоследствии совместная деятельность в масонских ложах не остановила Боливара от ареста своего «собрата» Миранды и выдачи его испанцам. На новом витке вооруженной борьбы Боливар сам занял пост главнокомандующего и получил мощное подкрепление – британских солдат (как добровольцев, так и наемников), которые перебрались через океан для оказания помощи революционерам после окончания войны с Наполеоном.

Освободитель не жалея сил воевал с испанцами в Венесуэле, дважды восстанавливая республику после поражений. И оба раза его провозглашали президентом. Затем он одержал победу в Эквадоре, Перу (где он также стал президентом), и Боливии, которую назвали в его честь. В 1824 г. Боливар основал в Перу масонскую ложу шотландского ритуала «Порядок и свобода», а также стал организатором и руководителем ложи в Каракасе, получив высший «33-й градус» и звание «Почетного Генерального Инспектора»¹⁵.

Главной мечтой Освободителя было создание могучей Великой Колумбии (которая бы включала в свой состав нынешнюю Колумбию, Венесуэлу, Эквадор, Панаму, Перу, Боливию, западную Гайану и северо-западную часть Бразилии). Этой мечте не было суждено сбыться, Боливар умер в 1830 г. от туберкулеза, но остался в памяти потомков как великий Освободитель Латинской Америки.

Одним из главных центров латиноамериканского масонства стал Буэнос-Айрес. В 1812 г. участники Пиренейской войны, воевавшие против французских войск в Испании (Сан-Мартин, Альвеар, генерал Сапиола, Ф. Чилаверт, Э. Кайлиц) отплыли из Кадиса в Буэнос-Айрес. Там они создали тайное общество, подобное ложе «Лаутаро». К тому времени в Буэнос-Айресе уже действовали масонские организации англофилов, созданные с конца XVIII в. – ложа «Независимость» (*Logia Independencia*), которую также называли «Ложа де Сан-Хуан» (*Logia de San Juan*), с 1810 г. возглавляемая Хуаном Альваресом, группы под названием «Сыновья Хирама», «Южная звезда» и «Патриотическое общество». Последнюю возглавлял М. Морено – видный борец за независимость Южной Америки, одним из руководителей Патриотической хунты — первого аргентинского правительства,

¹⁵ Bolívar, 1981. P. 214.

сформированного после победы Майской революции 1810 г. Местные масоны ратовали за установление республики, отделение церкви от государства, ограничение крупного помещичьего землевладения, настаивали на унитарной, централизованной форме государственного управления. Из-за разногласий внутри хунты Морено был вынужден выйти из её состава. В 1811 он был назначен чрезвычайным послом в Англии, и умер по пути в Лондон. Во вновь созданную ложу «Лаутаро», помимо прибывших военных, вошли члены «Патриотического общества»¹⁶.

Что касается **Сан-Мартина**, то он с семи лет проживал в Испании, довольно быстро продвинулся по карьерной лестнице в армии, активно участвовал в Пиренейской войне, сражался под командованием английского генерала У.К. Бересфорда против французов в битве при Ла-Альбуэре в мае 1811 г. По причинам, которые до сих пор дискутируются большинством латиноамериканских историков, он перебрался в Южную Америку и активно боролся против испанцев. Среди самых распространенных версий указывается ностальгия по родине (эту версию выдвинул один из первых биографов Сан-Мартина, Б. Митре), и... оперативное задание от британских кураторов.

Очевидная схожесть военных планов Сан-Мартина с известным английским «планом Мейтланда» по оккупации континента побудила многих историков считать, что герой Войны за независимость был на самом деле английским шпионом (или «агентом влияния»). Эту точку зрения одним из первых выдвинул Р. Пиццирилли в 1957 г., а впоследствии поддержали известные историки К.С. Солер и Дж.С. Метфорд¹⁷. Однако другие историки утверждают, что принятие этой точки зрения противоречит очевидной враждебности, с которой Сан-Мартин относился к англофилу Б. Ривадавии, а также его поддержке Х.М. де Росаса во время конфликта Буэнос-Айреса с Британией. Возможно, данные факты могут опровергнуть «шпионскую» версию, но отнюдь не отрицают принадлежности Сан-Мартина к масонству¹⁸.

Известный историк Эмилио Корбьере утверждает, что Сан-Мартин был масоном пятой степени¹⁹. Согласно масонским исследователям ложи «Лаутаро», Сан-Мартин вступил в ряды масонов в 1808 г. и по-

¹⁶ Galasso, 2009. P. 77 – 78.

¹⁷ Piccirilli, 1957. P. 8–24, 118; Soler, 1983, P. 9; Metford, 2011. P. 21.

¹⁸ Galasso, 2009. P. 37–38.

¹⁹ Corbiere, 1998, P. 146.

лучил посвящение в ложе «Целостность» в Кадисе (*Logia Integridad de Cádiz*), где получил третий градус мастера-масона. Позже, совместно с Альвеаром, он основал филиал «Ложи рациональных рыцарей» №7. Это произошло на встрече в доме К.М. де Альвеара в 1811 г. (по другой версии, в лондонском доме Миранды по адресу Графтон стрит, 27), и в собрании участвовали помимо Сан-Мартина, Х.М. Каррера, Альдао, Б. Энкалада и другие креолы, которые решили посвятить себя освободительной борьбе в Южной Америке, подтвердили свою приверженность идеям Просвещения, борьбы против абсолютизма за создание либеральной, унитарной республики. Они приняли решение добраться до своих стран и примкнуть к революционному движению²⁰. Затем Сан-Мартин отплыл на британском военном фрегате «Джордж Каннинг» вместе со своими соратниками и прибыл в Буэнос-Айрес 9 марта 1812 г. Там члены ложи «Лаутаро» проводили свои собрания на улице Балкарсе, напротив монастыря Санто-Доминго.

Сан-Мартин возглавил революционную армию, которая была сформирована в Буэнос-Айресе, главном плацдарме освободительной борьбы, захватила Чили, а затем освободила часть Перу и Эквадор. В марте 1817 г. после перехода Анд и разгрома (совместно с чилийскими частями О'Хиггинса) испанских войск при Чакабуко был основан еще один филиал ложи «Лаутаро» в Чили, а затем подобные ложи сформировались в Перу, Боливии и Уругвае. В 1820 г. филиал в Буэнос-Айресе был распущен из-за внутренних разногласий: ряд членов ложи, возглавлявших в то время правительство Буэнос-Айреса потребовали от Сан-Мартина и генерала Бельграно перебросить их войска для подавления частей сторонников федерализма Х. Артигаса и Э. Лопеса. Сан-Мартин категорически отказался от «пролития крови своих братьев». И тогда руководство ложи (которое полностью состояло из членов правительства Буэнос-Айреса) приняло решение распустить «Лаутаро».

Сан-Мартину было присвоен почетный титул «Протектора Перу», после того, как в стране была провозглашена независимость в 1821 г. 26 июля 1822 г. он встретился в Гуаякиле с «братом» Боливаром, войска которого сражались против испанцев на севере Перу, чтобы обсудить возможность совместных действий, а также политическое будущее образованных в Южной Америке независимых республик. Одна-

²⁰ <https://logialautarina.wordpress.com/2008/11/07/logia-de-lautaro/>

ко их видение будущего развития континента резко отличалось, и они не смогли договориться друг с другом. В итоге Сан-Мартин отказался от титула «Протектора», передал судьбы континента в руки Боливара, который и завершил освободительную борьбу. Сам же Сан-Мартин вернулся в Буэнос-Айрес, а затем отправился в ссылку в Европу, умер в 1850 г., и впоследствии его останки были переправлены на родину, где были захоронены в кафедральном соборе Буэнос-Айреса. Правда из-за подозрений в том, что Освободитель был масоном, его усыпальницу устроили в специально для этого построенном отдельном крыле храма.

Бернардо О'Хиггинс, наполовину испанского и ирландского происхождения (незаконнорожденный сын Амбросио О'Хиггинса, ирландца на службе у испанской короны, ставшего генерал-капитаном Чили и вице-королем Перу), родился в Чили, и хотя не встречался с именитым отцом, тот пересылал деньги, которых хватало на жизнь и получение образования. Для завершения обучения отец оплатил его поездку в Англию. Там молодой человек встретился с Ф. де Мирандой, вступил в масонскую ложу, созданную Предтечей, и полностью поддержал планы учителя по освобождению Испанской Америки.

О'Хиггинс вернулся в Чили в 1802 г. и распространял там эти революционные взгляды, а с 1810 г. стал участником вооруженной борьбы против испанцев, членом Национального конгресса после того, как в 1811 г. была сформирована местная правительственная хунта. У него был опыт боевой подготовки и участие в боях против испанских роялистов, в ходе которых он продвинулся по офицерской карьере до звания полковника, в 1813–1814 гг. возглавил войска патриотов. Однако, в силу раскола в их среде, испанцы одержали ряд побед, и О'Хиггинс был вынужден перебраться в Аргентину.

Именно там он встретился с «братом» по ложе и соратником по борьбе Х. де Сан-Мartiном, и вместе во главе революционных войск в 1817 г. они совершили легендарный переход через Анды и разгромили испанцев в битве при Чакабуко. Став Верховным директором Чили, О'Хиггинс подписал в 1818 г. декларацию о независимости страны. Он осуществил ряд популярных реформ, упразднил колониальные налоги, создал основы системы образования. Однако под давлением оппозиции в 1823 г. был вынужден оставить свой пост и эмигрировать в Перу. Там он и умер в 1842 г.

Революционные взгляды О'Хиггинса сформировались в масонских ложах, и именно в организации «Лаутаро» проповедовались ради-

кальные политические взгляды, которые сплотили мощную группу идеалистов, возглавивших борьбу за освобождение континента от испанского ига. Воплощение этих идеалов в жизнь полностью изменило политическую жизнь Латинской Америки, привело к созданию новых государств, радикальным переменам в политической и общественной структуре.

По мнению известного аргентинского историка Э. Корбьере масонство оказало сильное идеологическое воздействие на политические процессы в Аргентине. В частности, через ложи активно распространялись взгляды Руссо и других деятелей Просвещения, британский и североамериканский либерализм, а также либеральные идеи испанских деятелей²¹.

Само зарождение масонства в Англии было непосредственно связано с эпохой великих географических открытий, приходом европейцев в Новый Свет, завоеванием и колонизацией огромных территорий, приобретением колоссальных богатств, ростом благосостояния, созданием в европейских странах системы образования и прогрессом науки. Развитие книгопечатания позволило быстро распространять знания и, вкупе с другими достижениями привело к невиданному в истории великому скачку в науке и технике.

Образованные люди, после долгого периода одиночества, гонений, порой даже заключения в монастырских стенах, получили возможность общения, создания связей и контактов, образования официальных, открытых обществ для распространения своих идей и результатов научных исследований. Однако по-прежнему существовала угроза со стороны монархической власти и церкви, высока была вероятность угодить на эшафот за «ересь» и «вольнодумство». Соответственно, боязнь за свою жизнь и свободу побуждала людей вступать в тайные ложи с торжественным ритуалом, жесткой иерархией и клятвами в преданности и неразглашении того, что там обсуждалось.

В то время как деятели Просвещения делали гигантские шаги на пути создания нового мировоззрения, они боролись не только со своими собственными предрассудками и косностью, не только бросали научный вызов своим коллегам-ученым, но и подвергали сомнению весь сложившийся политический и религиозный порядок, выдвигали плодотворные идеи для коренного изменения общества.

²¹ Corbiere, 2007. P. 115–124.

Скромные поначалу цели воспитания и взращивания в Европе «королей-философов» сменились призывами к конституционной монархии, а затем и свержению королевской власти.

Революционная борьба была вынуждена переместиться на уровень тайных, прежде всего масонских, обществ. Разветвленная сеть лож, объединяющих единомышленников во многих странах, позволяла перемещать освободительные идеи «свободы, равенства и братства» и их пропагандистов за тысячи километров, принимать оппозиционеров и критиков «старого порядка» (в их числе представителей дворянства и буржуазии) в лоно своих сообществ, вступать в контакты с самыми влиятельными политиками того времени и влиять на принятие ими судьбоносных решений.

Шаги, предпринятые для организации вооруженной борьбы и восстаний в Испанской Америке доказывают значительную роль масонства в этих событиях, что нашло отражение не только в разработке различных доктрин революции, но и в личности главных Освободителей, создании огромной сети тайных групп поддержки антиколониальной борьбы.

Масонские ложи были главными связующими центрами для установления контактов между освободительными группами и настоящими катализаторами, вдохновителями борьбы. Через них также спонсировалась поставка вооружений, рекрутирование добровольцев и наемников для участия в боях.

Нынешние историки, близкие к масонству, отрицают некий «диктат» или управление революционным процессом в Испанской Америке со стороны Великой ложи Англии. Хотя даже в их трудах не отрицается «общее руководство» со стороны «старших братьев». Ведь только с их позволения открывались новые ложи, все основные решения в зарубежных филиалах принимались с одобрения старших «по градусу» лондонских «мастеров», на места в инспекционные поездки регулярно отправлялись эмиссары Великой Ложи, которые не только разбирали конкретные спорные вопросы, но и привозили важные инструкции, которые были обязательны для исполнения на местах.

Дело доходило до того, что Великая Ложа фраговала корабли для командировок своих инспекторов. Неоднократно фиксировались случаи, когда такие суда заходили в порты других стран под масонским флагом. Это было знаком для местных «братьев» о необходимости обмена информацией, проведения тайной встречи и установления связей. Прекрасное знание навигации позволяло ложам передавать важ-

нейшие сообщения гораздо быстрее обычного почтового отправления, что было крайне важно во времена войн и кризисов.

Учитывая эти факты, многие историки считают, что масонство было одним из главных инструментов тогдашней внешней политики Англии. Хотя более радикальные исследователи считают, что, наоборот, политика Англии была следствием решений, принимаемых в масонских ложах. Тайные ложи активно использовали Британию для распространения либеральных и революционных взглядов по всему миру, создали там своеобразную штаб-квартиру революционных групп и движений.

Судьба Освободителей была в большинстве случаев несчастливой. Миранду сдали испанцам его собственные соратники, и он умер в тюрьме. Х.М. Карреру (председателя первой революционной хунты Чили, масона, вступившего в ложу в США в 1820 г. и оппонента О'Хиггинса) расстреляли также его «братья». О'Хиггинс и Сан-Мартин умерли в ссылке. Боливара изгнали из его родной страны, и он умер во время ожидания корабля, который должен был переправить его в ссылку в Европу. Некоторые историки считают, что это более чем совпадение. Жесткость в принятии решений и жестокость к противникам, привитые в ложах, вызывали подобную же ответную реакцию со стороны оппонентов, не давали Освободителям пространства для принятия компромиссных решений.

Преданность Боливара делу революции была поистине фанатичной и оставалась неизменной в течение всей его жизни. Однако к концу своего жизненного пути он пришел самым разочарованным среди всех великих Освободителей. В одном из последних писем генералу Флоресу он с горечью констатировал: «Вы знаете, что я правлю уже двадцать лет, и сделал из этого несколько очевидных выводов: (1) Америка неуправляема; (2) люди, которые служили делу революции, пытались вспахать море; (3) единственное, что можно сделать в Америке – это эмигрировать из нее; (4) Эта страна неизбежно попадет в руки необузданных масс, а затем в лапы тиранов различных рас и оттенков кожи, которые будут настолько мелкими, что их почти невозможно будет различить (5) после того, как мы будем съедены заживо преступностью и уничтожены своей же свирепостью, европейцам даже не надо будет завоевывать нас; (6) если какая-либо часть мира вернется к первобытному хаосу, так это Америка в ее последний час»²².

²² Bolívar, 1977. P. 285.

Одна из главных причин горечи и отчаяния состояла в том, что умирала мечта его жизни, разорванная грязными руками корыстолюбивой и аморальной стаи олигархов. Не получилось создать «Новые Афины» или «Атлантиду», о которых он и его «братья» мечтали и говорили, находясь в Лондоне. Просвещенные и доблестные граждане, которые окружали его когда-то, были либо рассеяны по просторам континента, либо убиты, либо изменились до неузнаваемости. Правление Боливара как «просвещенного диктатора» закончилось его полным поражением, развалом «Великой Колумбии» и созданием независимых друг от друга стран.

Библиография/References

- Aparicio y Suárez M.* Francisco de Miranda masón: en el año de su segundo centenario, La Habana: Resp. Logia “Habana”, 1950.
- Bolívar S., Flores J.J.* Correspondencia del Libertador con el general Juan José Flores, 1826-1830. Quito: Banco Central del Ecuador, 1977.
- Bolívar S.* Simón Bolívar ideario político. Caracas: Centauro, 1981
- Ferrer Benimeli J. A.* Masonería, Iglesia, Revolución e Independencia. Bogotá: Centro de Historia del Estado Falcón, 2011.
- Briceño Perozo M.* Los masones en la Independencia. Caracas, 1988.
- Briceño Perozo M.* Don Francisco de Miranda, maestro de Libertadores. Caracas: Imprenta oficial del Estado Trujillo, 1950.
- Carnicelli A.* La Masonería en la Independencia de América (1810-1830). V. 1–2. Bogotá: Américo, 1970.
- Carvajal Muñoz J.* Realidad y mito de las vinculaciones de Miranda con la masonería // El papel de Miranda y su generación en la emancipación latinoamericana: identidad, integración regional y gobernabilidad (ed. Carmen L. Bohórquez, Christian Ghymers), Caracas: Memorias del Simposio Historia, 2006.
- Constitutions of the Free-Masons, Containing the History, Charges, Regulations of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. L., 1723.
- Corbiere E.* La Masonería. Política y Sociedades Secretas en la Argentina. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1998.
- Corbiere E.* La Masonería I. Política y Sociedades Secretas. Madrid, 2003.
- Corbiere E.* La Masonería II. Tradición y Revolución. Madrid, 2007.
- Díaz Sánchez R.* Sí, Bolívar fue masón. // “Elite”, Caracas, 28.07.1956.
- Fay B.* Revolution and Freemasonry, 1680-1800. Boston: Little, Brown, and company, 1935.

- Ferrer Benimeli J.A.* Masonería, Iglesia, Revolución e Independencia. Bogotá: Universidad Javeriana, 2015.
- Galasso N.* Seamos Libres y lo demás no importa nada. Buenos Aires: COLIHUE, 2009.
- Giraldo M.L.* Francisco de Miranda, precursor de la independencia de Venezuela. Madrid: Araya, 1988.
- Harvey R.* Liberators: South America's Savage Wars of Freedom, 1810-1830. Oxford: Robinson, 2002.
- Mancini J.* Bolívar y la emancipación de las colonias españolas, desde sus orígenes hasta 1815. París: Librería C. Bounet, 1914.
- Metford J. C. J.* San Martin: The Liberator. N.Y.: LLC, 2011.
- Oviedo Martínez B.* La Logia Lautaro. Su valor y su significado histórico. Buenos Aires: La Nación, 1910.
- Pacheco Quintero J.* Influencia de la masonería en la emancipación de América, Bogotá, Editorial Gran Colombia, 1943.
- Piccirilli R.* San Martin Y La Política De Los Pueblos. Buenos Aires: Aguirre, 1957.
- Rodríguez de Alonso J.* El siglo de las luces visto por Francisco de Miranda, Caracas: Ediciones de la Presidencia de la República, 1978.
- Silva Luongo L.J.* Bolívar, herencia de todos. Caracas: Italgráfica, 2003.
- Soler C.S.* San Martín en su conflicto con los liberales. Buenos Aires: Librería Huemul, 1983.
- Szigethy T.* ¿Fue Masón San Martín? // Revista masónica de Chile, Santiago de Chile, № 4, 1944
- Vidal G.* Masones que cambiaron la historia. Madrid: Editorial Edaf, 2007.
- Нус Э.* Основные черты современного масонства. Санкт-Петербург: Прометей, 1912. – *Nis E.* Osnovnye cherty sovremennogo masonstva. Sankt-Peterburg, 1912. [Nis E. Main features of Modern Freemasonry.]

- Fowler W.* First Impressions: Henry George Ward's Mexico in 1827 // J. Lat. Amer. Stud. 50, Cambridge University Press. 2017, pp. 265-289.
- Hardy Lieut R.W.H.* Travels in the interior of Mexico, in 1825, 1826, 1827, & 1828. Richard Bentley, New Burlington Street, 1829. 540 p.
- Humboldt A. de.* Ensayo político sobre el reino de la Nueva España. México. Editorial Porrúa, S.A. 1966. 696 p.
- Ibáñez Cerón E.E., Ferrer Muñoz M.* La república y sus habitantes indígenas contemplados por Henry George Ward, encargado de negocios de su majestad británica en México, 1825-1827. P. 46-77. En La imagen del México decimonónico de los visitantes extranjeros: Un estado-nación o un mosaico plurinacional? Coordinador Ferrer Muñoz M. UNAM, México. 2002. P. 376.
- Moreno Toscano A.* Cambios en los patrones de urbanización en México, 1810-1910. En Patrones de urbanización en México. 1972, pp. 160-187.
- Neibo Y. A.* Relations between Great Britain and Mexico 1820-1870. (Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy to the Institute of Latin-American studies). University of Glasgow, June, 1979, 441 p.
- Ortega y Medina, J. A.* México en la conciencia anglosajona. 1955, 254 p.
- Ortega y Medina, J. A.* Zaguán abierto al México republicano, 1820-1830, México, UNAM, Instituto de Investigaciones Históricas, 1987, 216 p.
- Ward H.G.* México in 1827. His Majesty's charge d'affaires in that country during the years 1825, 1826 and part of 1827 Henry Colburn, New Burlington Street. Mexico. V.I-II. London 1829.

И.В. Селиванова¹
I.Selivanova

Английский путешественник и дипломат Генри Джордж Вард и его работа «Мексика в 1827 году»

English traveler and diplomat Henry George Ward and his work, «Mexico in 1827»

Аннотация. Статья освещает путешествие и деятельность английского путешественника и дипломата Генри Джорджа Варда в Мексике в начале XIX в. В центре внимания дипломата оказываются наиболее важные вопросы развития молодого независимого государства такие как, принятие первой конституции, формирование республиканского правительства, подписание первого договора о дружбе, торговле и мореплавании между Мексикой и Великобританией в 1826 г. В фундаментальном труде путешественника и дипломата нашли отражение наиболее яркие эпизоды борьбы за независимость бывшей колонии Испании, а также моменты первых лет независимого развития страны. Вышедшая в свет в двух томах работа Г.Дж. Варда «Мексика в 1827 году» стала интереснейшим источником по истории Мексики.

Ключевые слова: Генри Джордж Вард, Мексика, Великобритания,

¹ **Ирина Валентиновна Селиванова** – научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук, email: alex-cgmk@yandex.ru.
Irina V. Selivanova – PhD in Historical sciences; Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences ; alex-cgmk@yandex.ru

Мехико, Война за независимость, Техас.

Abstract. This article analyzes the journey and activities of the English traveler and diplomat Henry George Ward in Mexico in the early nineteenth century. The British diplomat focuses on the most important issues of the development of a young independent state: adoption of the first constitution, formation of a republican government, the formation of the 1826 Treaty of Friendship and Commerce between Mexico and Britain. The fundamental work of the traveler and the diplomat reflected the most striking episodes of the struggle for the independence in Mexico. «Mexico in 1827» became an interesting source on the history of Mexico in the early XIX century.

Keywords: Henry George Ward, Mexico, Great Britain, War of Independence, Texas

В результате успешного завершения Войны за независимость перед молодым мексиканским государством встало несколько первостепенных задач, среди которых формирование органов государственной власти, принятие конституционных документов и признание независимого самостоятельного государства со стороны других государств, без чего было невозможно упрочение положения страны на международной арене. Великобритания занимала лидирующее положение среди государств, проявляющих интерес к мексиканскому государству. Безусловный интерес Британии к молодому мексиканскому государству выразился, прежде всего, в значительных финансовых вложениях, которые были сделаны английскими капиталами в первые годы после Войны за независимость. Так, в 1824-1825 гг. британцы вложили в мексиканскую экономику около 10 млн фунтов².

Одним из первых английских дипломатов, посетивших Мексику после завоевания ею независимости стал Генри Джордж Вард, оставивший обширный труд, посвященный Мексике.

Практически одновременно с Вардом Мексику также посетили английские путешественники Ульям Баллок и Уильям Т. Пенни, морской офицер и бизнесмен Роберт Ульям Хейл Харди Леут, астроном и альпинист полковник Марк Бофой³. Если результатом путешествия Баллока стала довольно серьезная работа⁴, то преуспевающий торго-

² Costeloe, 2003. P. IX

³ Hardy Lieut, 1829; Beaufoy, 1828.

⁴ Bullock, 1824.

вещ Пенни, посетивший Мексику между 1824 и 1826 гг. оставил лишь серию писем и дневники, которые были опубликованы в Англии в 1828 году. Пенни, как торговца, интересовала в основном состоянии торговли в городах, которые он посещал Веракрусе, Халапе, Мехико и Пуэбле. Однако, пожалуй, самой фундаментальной стала книга Генри Джорджа Варда «Мексика в 1827», именно она находится в центре внимания данного исследования.

Генри Джордж Вард родился в Лондоне 27 февраля 1797 году в семье известного английского адвоката, и популярного писателя Роберта Племера Варда. Получив образование в школе Хэрроу, он отличался лингвистическими способностями, в частности знание испанского языка, пригодилось ему во время работы в Мексике, а также имел ораторский дар. Вард был высоким и энергичным человеком, метким и ловким фехтовальщиком, любил охоту и прогулки на свежем воздухе. При этом, ему не было чуждо стремление жить в свое удовольствие. И, возможно, именно это стало причиной, по которой министр иностранных дел Великобритании Джордж Каннинг решил его отозвать из Мексики в 1827 г. так как он потратил финансов за один год больше чем британские посольства в Париже, Вене и Санкт-Петербурге вместе⁵. Вард был женат и имел многочисленную семью. Его жена Эмили Элизабет сопровождала его в путешествиях по Мексике, именно ее рисунки стали иллюстрациями к его работе. В Мексике в 1825 и 1827 гг. родились две его дочери.

К моменту, когда Вард прибыл в Мексику первый раз в октябре 1823 года, он уже имел семилетний опыт дипломатической службы, входил в дипломатическую миссию в Стокгольме 1816-1818 гг., Гааге 1818 и Мадриде 1819-1823 гг. После выполнения дипломатических миссий в Мексике в 1823-1824 и в 1825-1827 гг., был вынужден уйти с дипломатической службы. В 1832 г. Вард был избран в британский парламент, позже получил назначение губернатором на Цейлон в 1855-1860 гг., и наконец стал губернатором в Мадрасе, где умер от холеры 2 августа 1860 г., пробив там меньше месяца.

Несмотря на то, что книга Варда о Мексике, а также его деятельность в этой стране вызывают безусловный интерес, до сих пор можно говорить лишь о нескольких исследованиях о жизни и деятельности этого путешественника, писателя и дипломата⁶.

⁵ Fowler, 2017, P.270-271.

⁶ Ortega y Medina, 1955, 1987; Flaccus, 1966; Fowler, 2002.

Впервые Вард посетил Мексику в качестве первого комиссара в составе дипломатической миссии Лионеля Хервея (Lionel Hervey) в 1823-1824. Целью посольства было информировать Каннинга о положении дел в Мексике, ее возможности сохранить независимость, готовности подписать договор о дружбе и сотрудничестве с Англией, а также сообщить о состоянии ее горных рудников. Посольство прибыло в Мексику 11 сентября 1823 г., а уже в отчете от 18 января 1824 г. англичане сообщали в Британию о том, что в Мексике сформировано республиканское правительство, подтверждали перспективы бывшей испанской колонии для английской экономики. 5 февраля 1824 г. Вард вернулся с подробными отчетами в Британию. После переговоров английского министра Каннинга с мексиканскими представителями Хосе Мариано Мичелена и Висенте Рокафуэрте о возможности признания независимости Мексики со стороны Великобритании, было решено вновь направить Варда в страну⁷.

18 января 1825 г. Вард вернулся в Мексику в должности полномочного поверенного в делах. 30 марта он вручил верительную грамоту первому мексиканскому президенту Гуадалупе Виктория. Стараясь заручиться дружескими отношениями с президентом, Вард особые надежды также возлагал на министра иностранных дел Мексики Лукаса Аламана. Именно подписание договора о дружбе и торговле должно было стать главной дипломатической задачей Варда. Дипломат считал необходимым повысить авторитет Британии в Мексике и ограничивать влияние Соединенных Штатов, что ясно просматривалось в его позиции по вопросу Техаса.

В отличие от других описаний путешественников, в которых основное внимание уделялось либо описанию природы, климата животного мира страны, а также давались нередко негативные оценки политической обстановке после Войны за независимость, в работе Варда представлено детальное, порой претендующее на научное описание состояние страны. Как отмечал сам путешественник в предисловии к работе он стремился сделать так, чтобы его исследование вызвало интерес у жителей Британии, а также способствовало развитию понимания и дружеских отношений между странами⁸. Кроме того, Вард демонстрирует позитивное отношение к мексиканскому президенту Гуадалупе Виктория, с которым у него сложились дружеские отноше-

⁷ Ibáñez Cerón, 2002. P. 47.

⁸ Ward, 1828. V.I. P.XVI.

ния.

Следует отметить, что позитивный настрой английского дипломата был очень кстати для мексиканского правительства, которое ставило перед собой задачу скорейшего признания независимости страны. Сам Гвадалупе Виктория считал Англию перспективным союзником. Похожую позицию занимал министр иностранных дел Мексики Лукас Аламан, когда писал в прессе, что предлагая финансовую поддержку и дружбу Британия не просит ничего взамен, кроме того, чтобы рынки Мексики были открыты для нее, так же как и для других стран. Он писал, что Англия без Мексики будет всегда первой нацией в мире, в то время как Мексика без Англии ничто. (El Sol 25 апреля 1825 г.)⁹.

Хотя эта позиция не была единственной. Так, первый эмиссар в Великобритании Хосе Мариано Мичелена предупреждал о неоднозначном отношении Англии к молодому мексиканскому государству и возможности последнему оказаться в экономической зависимости от британского капитала¹⁰.

В тоже время Варду повезло быть в Мексике, в тот период, когда страна находилась в достаточно спокойном состоянии. Закончились сражения времен Войны за независимость, а открытое противостояние политических сил внутри страны еще только намечалось. Был сформирован конгресс и принята первая конституция 1824 г., а Гвадалупе Виктория смог оставаться на президентском посту весь положенный срок с 1824 по 1829 гг.

И только после отъезда Варда из Мексике произошло антиправительственное восстание Otumba-Tulancingo в декабре 1827-январе 1828 гг., в котором участвовал вице-президент Николас Браво. Именно при участии Варда был составлен и 26 декабря 1826 г. подписан первый договор о дружбе, торговле и мореплавании между Мексикой и Великобританией речь, о котором пойдет ниже.

По охвату тем и направлений работа Варда может быть сопоставима с исследованием немецкого ученого и путешественника Александра Гумбольда¹¹, которая во много стала эталоном для англичанина, о чем он напрямую не раз говорил в своей работе.

Работа Варда «*México in 1827. His Majesty's charge d'affaires in that country during the years 1825, 1826 and part of 1827*» была издана в

⁹ Fowler, 2017. P.275.

¹⁰ Fowler, 2017. P.274.

¹¹ Humboldt, 1966.

1828 г. В Лондоне известным издателем Генри Колберном. Произведение Варда состоит из двух томов, в первом томе 560, во втором 755 страниц. В первом томе Вард, следуя за Гумбольдом, постарался описать географию, климат и природу, население Мексики. В томе есть карта, на которой изображено новое деление страны на современные в то время провинции. Вард описывал устройство испанской колониальной системы, много говорил об экономическом положении страны, особенно ее торговле и горным рудникам, дал представление о мексиканской армии и флоте. Находит отражение в томе и описание устройства республиканского правительства, а также конституции 1824 г. Большой раздела в томе (книга II) посвящена описанию Войны за независимость. В качестве приложений к первому тому представлены важные документы, относящиеся к борьбе страны за независимость, такие как «План Игуала», послание аудиенсии Мехико к испанским кортесам от 18 ноября 1813 г. и др.

Второй том почти полностью посвящен исследованию горных рудников в Мексике. Вард, несмотря на исчезновение архивов из Горного трибунала, сумел представить довольно точные и подробные данные о добыче серебра на крупных мексиканских шахтах накануне Войны за независимость и после ее завершения, показав, какой серьезной ущерб был нанесен отрасли в эти годы.

Создание такой фундаментальной работы о Мексике, наглядно доказывает стремление Вард донести до английских читателей, как можно больше информации о Мексике. Сам он писал в книге о том, что «мы получили больше информации относительно Америки и ее жителях за последние три года, чем за три столетия которые им предшествовали»¹².

В работе Варда можно выделить несколько блоков, позволяющих составить представление о стране. В разделе «Население» представлены довольно точные данные о численности населения страны и ее этнической структуре. Население Мексики Вард оценивал в 8000000 человек, выделяя семь групп в ее этнической структуре: гачупинов, креолов, индейцев, метисов, самбо (или чинос), негров и мулатов¹³. Вард сообщал, что белое население концентрировалось в Мексике в центральных областях: Пуэбла, Мехико, Гуанахуато, Оахака и Вальядолид. Зато на севере страны почти не было белых, в основном ин-

¹² Ward, 1828. V. I. P. 123, V. II.P.218.

¹³ Ward, 1828. V. I. P. 21.

дейцы. Видимо, индейское население отступало на север во время конкисты. Наиболее многочисленная группа смешанного населения (метисы) разбросаны по всей стране. В начале XIX в. они составляли большинство юристов, священников, ремесленников, мелких владельцев лавок, солдат. Он с радостью отмечал укрепляющуюся тенденцию в стране на замещение важных государственных постов для выходцев из индейцев и метисов.

По мнению англичанина, противоречия между испанцами и креолами были в начале века очень острыми, во многом он предсказал последующее изгнание испанцев из страны. Именно нежелание испанской короны допускать полноценного участия креолов в управлении страной стало, по его мнению, причиной Войны за независимость.

Говоря о простом населении страны Вард описывал их ежедневный рацион питания, состоящий из кукурузных лепешек, которые они едят разогретыми с острой приправой из помидоров и перца. Ужасаясь нищете индейского населения, путешественник отмечал положительные черты, характерные для индейцев такие как, терпеливость, кротость, работоспособность. Он отрицательно отзывался о многовековой политике испанской короны, которая препятствовала индейцам своих колоний воспользоваться благами цивилизации, что во многом объясняет их забитость и неразвитость¹⁴. Вард справедливо отмечал, что индейское население вместе с метисами составляли большую часть повстанческой армии во время Войны за независимость.

Много внимания путешественник уделял освещению экономического развития страны. Понимая слабость мануфактурного производства, его неспособность конкурировать с европейскими товарами, Вард считал необходимым развивать экспортные отрасли, прежде всего, такие как производство кофе, сахара, табака, индиго, какао. Будучи сторонником свободной торговли, путешественник дал отрицательную оценку торговой монополии Испании, в результате которой в Мексике запрещалось выращивать оливки и виноград, а также производить вино. В начале XIX в. торговые ограничения стремительно сокращались, так, уже в 1824 г. испанские вина почти полностью были заменены французскими¹⁵.

Вард считал важным для Мексики найти свое место в формирующемся мировом рынке. Так, он отмечал, что экспорт сахара из Вера-

¹⁴ Ward, 1828. V. I. P. 73.

¹⁵ Ward, 1828. V. I. P. 327.

круса вполне мог обеспечить этим продуктом всю Европу, а производительность сахара 2800 кг с гектара в Мексике в два раза превышала его производительность (1400 кг) на Кубе¹⁶. Он считал, что Мексике нужно сосредоточиться на вывозе сырья и серебра.

Именно горным рудникам Вард уделял особое значение, говоря об экономических перспективах для британской экономики. Путешественник подробно описал состояние горного производства на крупнейших шахтах страны таких как Гуанахуато, Каторсе, Сакатекас, Сомбререто, где добыча серебра, сократившаяся во время войны, постепенно начинала восстанавливаться.

Осмысля финансовые сложности 1826 г. Вард считал, что британские инвесторы должны прежде чем вкладывать свои средства в горные шахты Мексики понимать общий контекст страны и состояния ее горного производства¹⁷. Так, Вард критиковал другого английского путешественника Ульяма Баллока, который приобрел шахту не столько из ее прибыльности, сколько подавшись красоте окружающего пейзажа. Он считал, что инвесторы должны быть терпеливы, так как ресурсы страны не могут быть разработаны в один день. Кроме того, Вард призывал учитывать ужасное состояние дорог Мексики. В связи с чем описывал случай, который произошел с доставкой парового двигателя для откачки на шахты Реаль дель Каторсе. Начав путь в 1821 г. в Британии, машина достигла Каторсе 11 ноября 1822 г. А необходимые для работы трубы были доставлено еще позже, так что машина начала работать только 1 июня 1826 г. т.е. через пять лет после того как покинул Англию, однако, смогла осушить шахту за пять месяцев¹⁸.

Несмотря на все эти опасения Вард в общем был довольно оптимистичен относительно перспектив Мексики. Он не уставал повторять, что Мексика без ее горных рудников даже при условии плодородия ее почвы и развития сельского хозяйства не сможет принести процветания нации¹⁹. Он был уверен, что при помощи иностранного капитала произойдет процветания горных рудников и это решит многие экономические проблемы Мексики²⁰.

¹⁶ Ward, 1828. V. I. P. 47.

¹⁷ Ward, 1828. V. I. P. 279.

¹⁸ Ward, 1828. V. I. P. 22, 147-148, V. II.P. 179.

¹⁹ Ward, 1828. V. I. P. 282.

²⁰ Ward, 1828. V. I. P.162-163, 600, V. II. P.37, 155.

Важное значение дипломат уделял позиции Мексики по вопросу Техаса. Обращая внимание президента Виктория на усиление американской колонии в Техасе, Вард отмечал, что, в случае возникновения конфликтной ситуации, может возникнуть реальная угроза со стороны американских переселенцев, которые, по его мнению, были по языку, религии и традициям гораздо больше американцами, чем мексиканцами. Также он предупреждал о стремлении Соединенных Штатов не только усилить свое влияние на Мексику, но и расширить свои границы на северные ее территории. Ссылаясь на отмену рабства в Мексике, Вард убеждал мексиканское правительство усилить свое влияние в Техасе и создать буфер на пути распространения США на юг. По сути, Вард, говорил о том, что Англия может стать для Мексики лучшим союзником, чем Соединенные Штаты и Испания²¹.

Однако главной дипломатической задачей и успехом Варда стал договор о дружбе, торговле и мореплавании между Мексикой и Британией 1826 г. Дипломат проявил упорство и сумел убедить Каннинга не настаивать на включении в текст договора статьи о необходимости введения веротерпимости. Вард, хорошо изучивший конституцию Мексики 1824 г., знал, что ее статья 3 содержала положение о католической религии, как единственно возможной в стране.

Таким образом, Вард предпринимал серьезные усилия для укрепления отношений Британии с Мексикой, не только через ведение переговоров и составление договоров между государствами, но и посредством создания фундаментального литературного труда, ставшего интереснейшим источником по Мексике.

Библиография/References

- Bullock W.* A Six Month's Residence And Travels in Mexico. Containing Remarks on the Present State of New Spain, Its Natural Productions, State Of Society, Manufactures, Trade, Agriculture, and Antiquities, etc. With Plates and Maps. London: John Murray, 1824. 585 p.
- Costeloe M. P.* Bonds and Bondholders: British Investors and Mexico's Foreign Debt, 1824-1888. Westport, CT: Praeger, 2003. 359 p.
- Flaccus Elmer W.* The Secret Adversary: Henry George Ward and Texas, 1825-1827. // East Texas Historical Journal. 1966. Volume 4 | Issue 1 Article 5, pp.5-15.

²¹ Ward, 1828. V. I. P. 5, c. 37-39, V.II. P. 586-587, 590.

- Fowler W.* First Impressions: Henry George Ward's Mexico in 1827 // J. Lat. Amer. Stud. 50, Cambridge University Press. 2017, pp. 265-289.
- Hardy Lieut R.W.H.* Travels in the interior of Mexico, in 1825, 1826, 1827, & 1828. Richard Bentley, New Burlington Street, 1829. 540 p.
- Humboldt A. de.* Ensayo político sobre el reino de la Nueva España. México. Editorial Porrúa, S.A. 1966. 696 p.
- Ibáñez Cerón E.E., Ferrer Muñoz M.* La república y sus habitantes indígenas contemplados por Henry George Ward, encargado de negocios de su majestad británica en México, 1825-1827. P. 46-77. En La imagen del México decimonónico de los visitantes extranjeros: Un estado-nación o un mosaico plurinacional? Coordinador Ferrer Muñoz M. UNAM, México. 2002. P. 376.
- Moreno Toscano A.* Cambios en los patrones de urbanización en México, 1810-1910. En Patrones de urbanización en México. 1972, pp. 160-187.
- Neibo Y. A.* Relations between Great Britain and Mexico 1820-1870. (Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy to the Institute of Latin-American studies). University of Glasgow, June, 1979, 441 p.
- Ortega y Medina, J. A.* México en la conciencia anglosajona. 1955, 254 p.
- Ortega y Medina, J. A.* Zaguán abierto al México republicano, 1820-1830, México, UNAM, Instituto de Investigaciones Históricas, 1987, 216 p.
- Ward H.G.* México in 1827. His Majesty's charge d'affaires in that country during the years 1825, 1826 and part of 1827 Henry Colburn, New Burlington Street. Mexico. V.I-II. London 1829.

Е.А. Ларин¹
E.A.Larin

Англия и промышленный переворот в странах Латинской Америки в XIX в.²

England and the Industrial Revolution in Latin America in the XIX century

Аннотация: Отечественная историография относит начало промышленного переворота в Англии к 60-м годам XVIII в. Он имел место в легкой промышленности, которая для этой цели не требовала больших капиталовложений и, как правило, давала быструю финансовую отдачу. Следующим важнейшим этапом в промышленном перевороте было изобретение в 1784 г. паровой машины, а также переход от мануфактуры к фабрике. В статье описывается важнейшее направление промышленного переворота в странах Латинской Америки, которое состояло в строительстве железных дорог. Первая железная дорога была построена на Кубе в 1837 г. Таким образом, Куба опередила на 11 лет саму метрополию, где только в 1848 г. вступит в строй железная дорога между Барселонной и Матарó. На рубеже середины XIX в. начинается строительство железных дорог в странах Южной Америки. Промышленный прогресс открывал все новые и новые горизонты восприятия мира, способствуя развитию континента.

Ключевые слова: Британия, Куба, Промышленный переворот, про-

¹ Ларин Евгений Александрович – главный научный сотрудник ИВИ РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: elarin@inbox.ru. E.A. Larin – chief researcher of the Institute of World History, professor, PhD History, e-mail: elarin@inbox.ru.

² Данная публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект №18-09-00305 «Великобритания и Латинская Америка (XVI–XXI вв.)».

гресс, железные дороги.

Abstract: Modern Russian historiography considers that the Industrial Revolution in England began in the 60-s of XVIII century. It took place in the light industry, which did not require large investments and, as a rule, gave a quick financial return. The next most important stage in the industrial revolution was the invention in 1784 of the steam engine, as well as the transition from the manufactory to the factory. The article describes the most important direction of the industrial revolution in Latin America – the construction of railways. The first railway was built in Cuba in 1837. Thus, Cuba was 11 years ahead of the metropolis, where only in 1848 the railway route between Barcelona and Mataró was opened. In the middle of the XIX century the construction of railways in the countries of South America began everywhere. Industrial progress opened new horizons of perception of the world, contributing to the development of the continent.

Key words: Britain, Cuba, Industrial revolution, progress, railways

Термин «промышленный переворот» был впервые введен в научный оборот английским экономистом Арнольдом Тойнби (1852-1883). В нашей стране он стал доступен читателю из его книги «Промышленный переворот в Англии»³. Жизнь Тойнби оборвалась слишком рано. Судя по этой книге, которая включала в основном его лекции в университете, он планировал в дальнейшем создать большой цикл работ по данной проблематике.

Отечественная историография относит начало промышленного переворота в Англии к 60 годам XVIII в.⁴ Он имел место в легкой промышленности, которая для этой цели не требовала больших капиталовложений и, как правило, давала быструю финансовую отдачу. Кроме того, для ее функционирования не было необходимости создавать громоздкие, дорогостоящие здания и сооружения и приобретать сложное техническое оборудование. Правда, в 1765 г. была изобретена механическая прялка «Дженни», в которой одновременно работали 15-18 веретен, но все равно вряд ли ее можно сравнить со сверхсложным оборудованием, допустим, для горнодобывающей промышленности.

Следующим важнейшим этапом в промышленном перевороте бы-

³ Тойнби, 1924.

⁴ Большая, 2010. С.720.

ло изобретение в 1784 г. паровой машины, а также переход от мануфактуры к фабрике. Хотя первые фабрики появились в Англии в 70-е годы XVIII века, в основном процесс фабричного производства приходится на начало XIX в.

Задача данной статьи сводится к тому, чтобы осветить главным образом основные этапы, характер и специфику важнейшего направления промышленного переворота в странах Латинской Америки, который сводится, на наш взгляд, к строительству железных дорог.

Строительство железных дорог

Первая железная дорога в странах Латинской Америки была построена на Кубе в 1837 г. С начала 30-х годов XIX в. идея о ее создании стала всё активнее обсуждаться среди кубинских владельцев сахарных централей. Появление такого проекта стало реальным после того как об этой идеи узнал молодой андалузский писатель и журналист Марселино Калеро-и-Портокарреро, также специализировавшийся в экономических и сельскохозяйственных вопросах. Этот весьма энергичный молодой либерал к тому времени уже занимался строительством железной дороги в самой Испании. Это была дорога от Хереса де ла Фронтеры и Пуэрто де Санта Марии до Сан-Лукара де Баррамеды.

Вскоре он подготовил План и экономический анализ строительства кубинской железной дороги. Расчеты испанского предпринимателя свидетельствовали, что «доходы от ее создания, даже учитывая стоимость дороги – 1400 000 песо, общую стоимость всех транспортных средств и, закладывая 10% на различного рода ремонты, составят 24 %. К тому же, следует иметь в виду, что они будут всё время расти за счет постоянного появления новых плантаций и благодаря росту продукции на сегодняшних асьендах»⁵. Затем Калеро переслал этот План из Лондона, где он постоянно проживал, генерал-капитану Кубы Франсиско Дионисио Вивесу, который уже был осведомлен о том, что в Испании в промышленных и правительственных кругах появляются различного рода предположения о возможности строительства железной дороги на Кубе. Он сам относился к этому очень позитивно и поддержал это начинание.

Важно также отметить, что в Гаване буквально через несколько недель после создания в Англии первой в мире железной дороги меж-

⁵ Moyano, 1991. P. 65.

ду Ливерпулем и Манчестером, 15 сентября 1830 г. была создана Хунта железных дорог, также поддерживавшая идею о строительстве на Кубе первой в Испанской Америке железной дороги. После целого ряда согласований и переговоров было принято решение о том, что это будет железная дорога между Гаваной и Бехукалем, протяженностью 27,2 км.

6 апреля 1835 г. в «Газете Гаваны» был опубликован Королевский указ о ее строительстве. В нем, в частности, подчеркивалось⁶, что «Хунта развития должна следить за тем, чтобы «дорога создавалась экономно и в возможно короткий срок». В 1837 г. эта дорога уже была построена. Таким образом, Куба опередит на 11 лет саму метрополию, где только в 1848 г. вступит в строй железная дорога между Барселонной и Матарó. Кроме того важно отметить, что после создания первой железной дороги на Кубе в последующие три десятка лет было построено еще шесть железных дорог: 1844 г. Эль-Кобре – Пунта-де-Саль; 1851 г. Пуэрто-Принсипе – Нуевитас; 1860 г. Сьенфуэгос – Вилья-Клара; Касильда – Пасо-Реаль; 1863 г. Сагуа-ла-Гранде – Энкрусиада; 1866 г. Сабанилья – Марото.

Задолго до строительства первой железной дороги Куба на протяжении нескольких веков была бесспорным лидером в Испанской Америке по тем или иным начинаниям в экономических и военных вопросах. «Куба-ключ к Новому Свету» – эта определяющая фраза в принципиально важных отчетах испанских чиновников Верховного Совета по делам Индий XVI – XVII вв. никогда не теряла своей актуальности и была бесспорной истиной и во внешней политике Англии в Новом Свете в эпоху активного строительства там железных дорог.

В 50-е – 60-е годы XIX в. на этом острове было построено 1302,054 км. железных дорог. Один из основных экономических принципов строительства – английский капитал и технология США. Всего на возведение указанных выше километров железных дорог было потрачено 38 701 630 песо. Из них 8 568 712 песо были взяты в долг, 95,79 % долга приходилось на Англию, а 4,2% на Генерал-капитанство Кубы⁷.

Естественный восторг по поводу строительства первой железной дороги на Кубе вскоре превратился, к сожалению, экономистов Генерал-капитанства Куба, в серьезную проблему: дорога оказалась нерен-

⁶ Moyano, 1991. P. 83.

⁷ Moyano, 1991. P. 346.

табельной. Уже в 1839 г., всего через два года после ее создания, она была выставлена на продажу, а в 1842 г. куплена анонимной группой собственников, представлявших интересы ряда крупных сахарных магнатов Кубы, известных под фамилиями – Алдама, Альфонсо, По-эй, де ла Гуардия.

Главная проблема, определившая, на взгляд экономистов неудовлетворенность дорогой, оказалась ее неспособность обеспечить доставку на сахарные заводы зеленой массы срубленного сахарного тростника. Эта проблема требовала большей маневренности железнодорожного транспорта или разветвленной сети небольших железных дорог. Хунта развития решила прибегнуть ко второму варианту и в течение 1870- 1880 гг. на Кубе стали создавать так называемые портативные железные дороги, т.е. железнодорожные линии небольшой протяженности, способные огибать плантации сахарного тростника и забирать его зеленую массу, подготовленную к отправке на сахарные заводы.

Такого рода железные дороги также впервые в Латинской Америке появились на Кубе. Хотя они носили временный характер, однако, имели большое значение для Кубы, так как открывали новый виток модернизации, связанный с перепланировкой местоположения сахарных плантаций по всему острову.

Вскоре на Кубе перешли к массовому созданию сахарных централей, т.е. больших аграрно-промышленных комплексов, объединявших плантации сахарного тростника и сахарные заводы. Такие комплексы стали появляться там уже в конце XVIII – начале XIX в. и, естественно, были в экономическом плане весьма эффективны, но их было слишком мало. Теперь, чтобы столь же успешно использовать железные дороги, необходимо было осуществить большую работу, связанную с планировкой и перепланировкой плантаций сахарного тростника и подводкой к ним железных дорог, что и начало постепенно осуществляться на Кубе.

Важно также отметить и еще один важнейший политический фактор, который мог в любое время в корне изменить характер и стратегию использования железных дорог на Кубе. Речь идет о том периоде кубинской истории, когда с 1 января 1899 г. до 20 мая 1902 г., на основании Парижского мирного договора 1898 г. Кубой управляли генерал-губернаторы из США, генералы Дж.Брук и Л.Вуд. Несмотря на то, что этот период был сравнительно недолгим, они разработали ряд документов, имевших отношение к кубинским железным дорогам и

заслуживающих внимания исследователей.

Незадолго до истечения срока своего правления на Кубе, 7.02.1902 г., Л.Вуд опубликовал военный указ №34, именованный законом о железных дорогах. Этот указ весьма свободно трактовал вопрос о количестве земель, необходимых для создания железных дорог. Также практически не принималось при этом во внимание и качество земель. Этот и целый ряд других законов, принятых в это время американской военной администрацией на Кубе, были проанализированы известным кубинским патриотом М.Сангили, который пришел к выводу, что к марту 1903 г. было подготовлено к продаже главным образом собственникам из США 40% лучших кубинских земель, то есть, почти половины всех угодий страны. Он поставил этот вопрос на обсуждение в сенате Кубы 3 марта 1903 г.⁸ Обсуждался широкий спектр проблем, связанных с махинациями в этой области. В статье 6 предложенного Сангили закона в частности говорилось: «Ни один иностранец, ни одно иностранное общество любого уровня и предназначения не имеют право создавать строения, поселки и города без предварительного разрешения Государственного конгресса республики, отмечающего их соответствие и необходимость»⁹ «В результате многие проекты, связанные с различными мошенническими вариантами приобретения кубинской земли, часто связанные со строительством железных дорог, были отменены или существенно пересмотрены.

На рубеже середины XIX в. начинается строительство железных дорог в странах Южной Америки. В 1848-50 г. была построена первая железная дорога в Чили. Ее создавал предприниматель из США Вильям Вильрайт (Wheelwright). Он же принимал активное участие в создании железной дороги Вальпараисо – Сантьяго и нескольких железных дорог в Аргентине. Первая из них, Росарио – Кордоба вступила в строй в апреле 1863 г. В этой стране строительство железных дорог шло очень быстрыми темпами. С 1880 г. до 1890 г. протяженность железных дорог возросла с 2516 км. до 9397 км. В 1914 г. в Аргентине уже было построено 33 500 км. железных дорог.¹⁰

В Бразилии первая железная дорога была построена бароном Де Мауа в 1854 г., а в 1858 г. было завершено строительство так называемой Железной дороги Петра 11 между Рио-де-Жанейро и Куймадас.

⁸ Documentos, 1976. P.261.

⁹ Documentos, 1976. P.263.

¹⁰ Beyhaut, 1973. P.51.

К 1907 г. в Бразилии было введено в строй 18 тыс. км. железных дорог.¹¹

В 1850-1855 гг. была построена железная дорога в Панаме от города Колон до столицы полуострова. В 1869 – 1871 гг. в Панаме была создана еще одна дорога. Эти дороги строились в основном на национальный и американский капитал. Естественно, что в данной статье отражена только начальная фаза железнодорожного строительства. В дальнейшем процесс создания железных дорог приобретет массовый характер по всему континенту.

Выдающийся английский писатель Герберт Уэллс был и талантливым историком, написавшим огромный труд «Всеобщая история мировой цивилизации». В главе «Реальность и фантазии XIX в.» он писал: «Если какое-то изобретение на ранних стадиях и обогнало паровоз, то это был пароход. В 1802 г. по каналу, соединяющему реку Клайд (Великобритания) с Северным морем, ходил пароход «Шарлота Дандес», а в 1807 г. американец по имени Фултон пустил по реке Гудзон севернее Нью-Йорка коммерческий пароход «Клермонт» с силовыми установками британского производства».¹²

В начальной фазе промышленной революции в Великой Колумбии. помимо железных дорог решалась и проблема речного пароходства. Проект, позволивший осуществить постоянную навигацию по реке Магдалене, был разработан английским предпринимателем Хуаном Бернардо Эльберсем, при активном участии в решении этого вопроса Симона Боливера.

Возвращаясь к исследованию Г.Уэллса, стоит упомянуть и еще об одном изобретении того времени. В 1835 г. был изобретен электрический телеграф, а в 1851 г. проложен первый подводный кабель между Англией и Францией. Промышленный прогресс открывал человеку все новые и новые горизонты восприятия мира, увозя его всё дальше и дальше, по словам Г.Уэллса, от эпохи коня и телеги¹³.

Библиография

Beyhaut G. y H. América Latina. De la independencia a la segunda Guerra mundial. México, Argentina, España. 1973.

¹¹ Beyhaut, 1973. P.51.

¹² Уэллс, 2007. С.758.

¹³ Там же.

Documentos para la historia de Cuba, Hortensia Pichardo, La Habana, T.2, 1976.

Moуano E. L. La nueva frontera del azúcar: el ferrocarril y la economía cubana en el siglo XIX. Madrid, 1991.

Большая историческая энциклопедия. М., 2010.

Тойнби А. Промышленный переворот в Англии. М., 1924.

Уэллс Г. Всеобщая история мировой цивилизации. М., 2007.